

ИСФАНДИЯР

СУДЬЯ

Эхо шагов гулко отдавалось в полутемном коридоре городского суда. Осужденный — пожилой мужчина с седой головой, усталыми, измученными глазами — тяжело шаркал стоптанными штиблетами. Его сопровождали два конвоира в милицейской форме.

Впереди щелкнул дверной замок. Осужденный вскинул голову, встретился глазами с Сайдаматовой, которая в этот момент выходила из своего кабинета, дернулся всем телом, побледнел. Остановился, будто споткнулся о что-то. Секунду смотрел ей в глаза:

— Какая вы жестокая, Фатима Кадыровна! — с болью выдавил он.

Сайдаматова холодно смотрела на него.

— Не разговаривать! — приказал конвоир и, виновато глянул на судью, добавил: — Идите!

Осужденный мотнул головой, сделал несколько мелких шагов, но снова обернулся и бросил:

— Нет, женщина! Не будет вам счастья в жизни! — и с надрывом, как бы ставя точку, крикнул: — Не будет!

Густо, дымно цвели урюковые сады, будто задавшись целью закрыть раскидистыми кронами небо. Темнели вдаль силуэты окружавших долину гор. Земля, размякшая под теплыми солнечными лучами, исходила сладковатым запахом прелых прошлогодних листьев, парами талого снега.

И женщина, молодая, сильная словно проснулась вдруг, шагнула из дома в сад, посмотрела на голубое, медленно уходящее в высь небо, на цветущий урюк над головой, вздохнула глубоко и засмеялась — легко, счастливо. Ей было хорошо. Просто хорошо, и все. Этого не объяснить, когда хорошо, когда радуешься молодости и жизни, которая впереди кажется такой же ясной, как бездонное небо над головой, как мягкая и ласковая земля.

Потом она долго ходила босыми ногами по только-только проросшей траве. Где-то вдалеке шипел репродуктор, весело щебетали пичужки, стаями перелетая с ветки на ветку. Ближе к вечеру, прижавшись щекой к заскорузлomu стволу могучей урючины, она смотрела из сгущавше-

гося сумрака на освещенное окно под приземистой саманной крышей.

И он, почувствовав ее взгляд, повернул лицо к окну. Глаза его напряженно всматривались в глубину сада.

— Фатима...

— Фатима Кадыровна, пора.

Сайдаматова улыбнулась, оперлась руками о стол, как бы приходя в себя. Тряхнула головой, удивляясь своим воспоминаниям, ощущениям от видений, которые промелькнули сейчас в сознании. Что-то последнее время она слишком часто стала возвращаться к своему прошлому... Первые признаки приближающейся старости?

Не старость, конечно, но... годы есть годы.

— Встать, суд идет, — громко объявила секретарь суда.

Сайдаматова подождала, пока станет тихо:

— Именем Узбекской Советской Социалистической Республики.

Часы показывали половину седьмого, когда Сайдаматова вышла из здания суда. Она торопилась. Более часа назад знакомая по телефону сообщила, что в универмаг завезли импортные сапоги. Как ей объяснили, сапоги были именно такие, какие она давно хотела купить дочери — на платформе и не очень дорогие.

Ей повезло. По столпотворению возле обувного отдела она поняла, что сапоги еще есть. Заняла очередь.

— Граждане, можете не стоять! — крикнула через десять минут продавщица с длинными наклеенными ресницами и пушистыми огненно-рыжими волосами.

Толпа заволновалась.

— Почему?!

— Безобразие, я тут целый час торчу, — кинулась к прилавку невысокая миниатюрная женщина с вызывающе накрашенными губами.

— Не кричите, — невозмутимо ответила продавщица. — Я же не виновата, что сапоги кончились.

К этим протестам присоединились еще несколько недовольных покупателей. Сайдаматова уныло оглядела стеллажи с обувью и, потоптавшись, медленно двинулась к выходу, не замечая, что за ней пылливо наблюдает пожилой мужчина в белоснежной марлевке. Увидев, что она

пошла к выходу, он властным жестом подозвал одну из продавщиц и что-то сказал ей, кивнув на Сайдаматову.

— Простите, Фатима Кадыровна, — догнала девушка Сайдаматову. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, — удивленно вскинула брови Сайдаматова.

— Вы за сапогами?

— За сапогами, — еще больше удивилась Фатима Кадыровна.

— Прошу вас, — пригласила ее продавщица и быстро пошла к прилавку.

Сайдаматова неуверенно двинулась за ней.

— Вам какой размер?

Фатима Кадыровна с трудом переборола неловкость.

— Тридцать шестой.

Продавщица порылась под прилавком и протянула ей коробку.

— Подождите! — вырвала коробку из рук Сайдаматовой женщина с вызывающе накрашенными губами. — Я уже целый час стою за этими сапогами.

— Что вы себе позволяете! — закричала на нее продавщица. — Эта гражданка за деньгами ходила. Просила оставить ей одну пару.

— А я полдня простояла! — зло сверкнула глазами женщина, не выпуская из рук коробки.

— Пожалуйста, если вам так нужно, — смутилась Сайдаматова, — возьмите сапоги себе.

Она быстро повернулась и пошла к выходу.

— Гражданка!

— Фатима Кадыровна!

— Подождите же, — кинулась за ней продавщица, но Сайдаматова уже вышла из универсама.

Она торопливо шла к автобусной остановке, ругая себя, сама не зная за что. Действительно, почему ей так всегда не везет? Другие покупают вещи без всякой толкотни в очередях, без просьб, ругани. Сайдаматова подумала о своей знакомой — Валентине. Вот кто умеет и красиво одеваться, и выбирать, и доставать что нужно. Даже не доставать, не то. Вещи будто сами искали Валентину, старались попасться ей на глаза. Все проходят мимо, не видят, а она только глянет — вот что мне надо! И точно, единственная стоящая вещь в магазине лежала на виду, и никто ее не видел, а Валентина увидела.

Сайдаматова грустно улыбнулась. Надо же, у нее из рук выхватили сапоги, и она безропотно их уступила!

Но откуда ее знает эта продавщица? Лицо ее, как Фатима Кадыровна ни пыталась вспомнить, не было знакомо. Может, свидетелем проходила по какому-нибудь делу?

Подошел автобус. Сайдаматова с трудом протиснулась к кабине водителя.

— Следующая остановка — театр, — прохрипел над головой динамик.

Двери закрылись.

Сайдаматова вспомнила о звонке школьного врача, покачала головой. Нет, на этой неделе нужно обязательно выбрать время и зайти в школу. Она на миг увидела перед собой лицо дочери и почувствовала, как в груди разлилась теплота. Флора все больше и больше напоминает деда. Те же широкие густые брови, прямой, резко очерченный нос, упрямые тонкие губы.

Мать Сайдаматова вспоминала очень редко. Даже можно сказать — совсем не вспоминала. Не понимала, почему так, ведь мать всегда ближе, не понимала и стыдилась своего равнодушия к матери, но изменить что-либо было уже поздно. И всегда, с того страшного дня, когда осталась вдруг одна, восьмилетней девочкой попала в детский дом; когда ей становилось особенно одиноко и нужно было выплакаться, твердя одеревеневшими, непослушными губами имя самого близкого, единственно дорогого человека, она звала только его — «папа! где же ты, папочка!»

Рядом кто-то громко засмеялся.

— Молодые люди, можно потише? Вы ведь не на базаре.

Краем глаза Сайдаматова увидела двух парней, которые, полуразвалясь, сидели возле окна.

— Слушай, мамаша, мы же тебе не мешаем! — ответил один из парней, с длинными спутавшимися волосами.

Девушка, сделавшая им замечание, густо покраснела и отвернулась.

— Ну, нашел «мамашу»! — засмеялся второй.

— Ребята, освободили б место бабуле, — обратился к ним пожилой мужчина с орденской планкой на пиджаке. — Молодые, можете и постоять.

Остряк демонстративно оглядел его с ног до головы:

— Ты, что ли, бабуля?

Сайдаматова обернулась и пристально посмотрела на зарвавшегося остролова.

— Я не бабуля, но...

— Ну и заткнись тогда, пока я из тебя дедули не сделал, — процедил парень угрожающе.

— Я же ничего... — сжался мужчина, — беспомощно оглянувшись. — Я просто...

— Вот и молчи просто, — отрезал второй.

Сайдаматова повернулась к стоящей рядом девушке:

— Разрешите пройти.

Ей дали проход. Острослов обернулся на ее голос, встретился с ней глазами, побледнел. Вскочил с кресла, дернул товарища:

— Пошли.

— Куда?

— Кому говорю, ну!

— Куда же ты торопишься, Орлов? — усмехнулась Сайдаматова.

Но тот уже был в середине автобуса и быстро пробиравшись к задней двери, таща за собой ничего не понимающего товарища.

— Знаешь егс, дочка? — усаживаясь к окну, спросила старушка Сайдаматову.

— Пришлось когда-то познакомиться.

— Развелось хулиганья, — сказал сердито мужчина с орденской планкой, — не продохнуть от них.

2

— Папа, гаишник!

— Вижу.

Валиев, не сбавляя газа, мчался вперед. Только уголки губ его чуть опустились книзу в снисходительной улыбке.

Автоинспектор с погонями лейтенанта поднял жезл и шагнул на дорогу наперерез серым «Жигулям»:

— Ну, вот! — сокрушенно вздохнул Мурат.

Валиев усмехнулся, искоса глянув на сына, и направил машину прямо на инспектора.

— Папа! — дернулся было Мурат.

Инспектор резко отпрыгнул в сторону, и вдруг, узнав Валиева, засмеялся и погрозил вслед удаляющейся машине. Мурат повернул голову, но видя, что лейтенант и не думает их преследовать, успокоился.

— Знакомый?

— Когда имеешь машину, — ответил Валиев, глянув на сына, — у тебя все в ГАИ должны быть знакомыми.

Стрелка спидометра качалась между цифрами 80 и 100. Мурат поднял глаза, стал смотреть вперед.

— Значит, в Москву хочешь съездить?

Мурат не ответил, пожал плечами.

— Поедешь.

— Когда? — В голосе Мурата прозвучало недоверие.

— После экзаменов, конечно.

Мурат вздохнул, покачал головой.

— Мать не отпустит.

— Отпустит. — Валиев сказал это не слишком уверенно и, поймав себя на этом, нахмурился, повторил твердо: — Отпустит.

На края глаз набежали тонкие морщинки. Он представил себе на миг лицо Фатимы, но тут же поспешно отогнал от себя видение, скрипнул зубами. Сколько лет прошло, а до сих пор не может спокойно думать о своей бывшей жене. Ведь баба же, баба! Все, казалось бы, для нее делал: хотела учиться — училась, университет окончила, ела, пила, чего другие не видели, одевалась так, как другие только мечтали. Живи и радуйся жизни! И сам он мужчина видный, не урод какой-нибудь...

Валиев глянул на притихшего Мурата, словно тот мог подслушать его мысли.

— Ты чего приуныл! — хлопнул он сына по плечу, прижал к себе. — У меня тоже права есть. Как-никак я отец. По всем юридическим законам имею на вас права.

— Все равно мама вряд ли разрешит поехать в Москву. Скажет, денег нет.

— При чем здесь деньги! — повысил голос Валиев. — Если я говорю — поезжай, значит, за все отвечаю. О деньгах не беспокойся — и матери так скажи: мол, папа все расходы берет на себя.

Мурат кивнул.

— Ладно, ничего не говори, — глянул на него Валиев. — Я сам с ней поговорю.

Он включил приемник, покрутил ручку настройки, на доли секунды опустил глаза.

— Осторожно, папа!

Валиев резко крутанул руль и, сбросив газ, нажал на тормоза. Машину кинуло в сторону, взвизгнули тормоза, и прямо из-под колес выскочила огромная лохматая собака. Чиркнув бампером бетонный столб, машина остановилась. Мурат выскочил первым, провел рукой по свежей вмятине, посмотрел на отца.

— Что здесь у нас произошло? — подошел Валиев. Засмеялся. — Ничего страшного, малыш. Работы цена — бутылка «Наполеона» и только.

Он оглянулся на собаку, которая остановилась в сто-

роне и не сводила к Валиева настороженно-немигающих глаз. Мурат тоже посмотрел на собаку, потом на отца.

— Понимает, что из-за нее.

— Иди сюда!— Валиев похлопал себя по бедру. Свистнул: — Фьють! Фьють!

Собака шевельнула хвостом.

— Дворянка беспородная?— сказал Мурат.

— Беспородная?— Валиев многозначительно помолчал.— Киргизская, чистокровная. Еще ее называют степной. Один на один с волком выходит.

— А подойти боится.

— Это мы посмотрим.

Валиев еще раз позвал ее. Собака завилыла хвостом, медленно приблизилась к машине. Мурат с удивлением смотрел на отца, который уверенно подошел к собаке, почесал у нее за ушами, потом провел несколько раз ладонью по пятнистой спине.

— Слов нет!— засмеялся Мурат.

Валиев открыл заднюю дверцу машины, кивнул собаке:

— Лезь.

Та сделала шаг, нерешительно глянула на Мурата, по-детски скосила голову набок.

— Вперед!— приказал Валиев.

Собака вильнула хвостом, неторопливо, с достоинством влезла на сиденье.

— Зачем он тебе, папа?— спросил Мурат отца, когда машина понеслась дальше.

— Хороший пес всегда пригодится,— ответил Валиев, подмигнув сыну.— Лучше придумай ему имя, чем спрашивать зачем да почему.

Мурат подумал, почесал затылок, разглядывая собаку, которая по-хозяйски вытянулась на заднем сиденье.

— Арктур подойдет?

— Как?

— Арктур. Есть такая звезда в созвездии Гончих псов.

— Нет,— покачал головой Валиев.— Давай что-нибудь попроще. Думай лучше — у тебя голова молодая.

Мурат кивнул.

— Тогда... Наруш.

— А это какая звезда?

— Это не звезда,— засмеялся Мурат.— Нарушитель. Сокращенно — Наруш. Звучит?

— Фатимахон, бог свидетель, чем угодно могу поклясться, Джафар не такой,— повторяла ежеминутно Алимова, женщина лет пятидесяти, с широким одутловатым лицом, синими мешками под глазами.— Он не преступник.

Сайдаматова слушала, кивала.

— Если ваш сын не виноват, суд во всем разберется, Кумрихон-апа,— успокаивала она Алимову.

— Мама!— в комнату заглянула Флора, капризно сложила губки.— Скоро вы еще тут?

— Флора!— строго сдвинула на переносице брови Сайдаматова и укоризненно покачала головой.— Нельзя вмешиваться в разговор старших, дочка.

Флора тихонько приоткрыла дверь, заглянула в комнату брата.

— Чего тебе?— обернулся Мурат.

— Ничего.

Флора вошла, села в кресло. Мурат некоторое время выжидающе смотрел на сестру.

— Кто там?— он показал глазами на дверь.

— Кумрихон-ая.

— За сынка пришла просить.

Мурат усмехнулся, захлопнул книгу, которую читал до прихода сестры. Флора пожала плечами:

— Она мать. А почему ты так говоришь?

— А как я должен говорить?— обозлился Мурат.

— Ведь Джафар был твоим другом.

— Другом он мне никогда не был, ясно тебе?— резко оборвал сестру Мурат.

— Но ведь он приходил к тебе.

— Мало ли кто ко мне приходил,— отрезал Мурат.— И вообще — это не твоего ума дело. Дуй отсюда!

Флора демонстративно уселась в кресле поудобнее, всем своим видом показывая, что никуда не уйдет, и прямо посмотрела в глаза брату.

— Я тебе сказал!— угрожающе поднялся Мурат.

— Мама!— закричала Флора.

Мурат ошарашенно замер на месте, посмотрел на дверь. На пороге застыла мать.

— Мурат!— Голос Сайдаматовой будто ударил сына.— Что ты себе позволяешь?

— А чего она?

— Что случилось, Флора?

— Ничего, мама,— она поднялась и пошла к двери.— Просто Мурат не любит, когда ему говорят правду в глаза.

Сайдаматова покачала головой, пропуская мимо дочь.

— Она ушла?

— Ушла, ушла,— успокоила дочь Сайдаматова, прикрывая за собой дверь.— Мурат, не уходи никуда. Ужинать скоро будем.

— Не уйду,— буркнул Мурат, хмуро глядя на дверь.

4

Пулатов попрощался, положил трубку, почесал переносицу, обдумывая что-то, подмигнул Валиеву:

— Все в порядке, дорогой.

Помощник преданно смотрел на своего шефа, терпеливо ожидая, когда, наконец, тот снова вспомнит о нем.

— Так на чем ты остановился?— взглянул на него Пулатов.

Помощник угодливо захихикал, подобрался весь:

— А он и говорит мужу: прости, браток, с тобой ведь тоже может случиться такое. Только я разделся — стук в дверь. Муж ее пришел, понимаешь? Вот я на твой балкон и спрыгнул.

— Как же так? У них же последний этаж,— хохотнул Пулатов.

— В том-то и дело,— повизгивал помощник,— когда он ушел, муж сразу об этом и вспомнил.

Громкий хохот заглушил его слова. В кабинет заглянул Чарьев — товаровед.

— Входи,— разрешил Пулатов. Вытер выступившие от смеха слезы, махнул рукой.

— Здравствуйте,— поклонился Чарьев сидящим, прижимая руку к груди.— Рахмат-ака, товар привезли. Что делать?

— Что делать?— презрительно хмыкнул Пулатов.— Принимать, конечно.— И обернувшись к сидящим, добавил:— Вот люди, все приказания ждут. Никакой инициативы.

— Там, где товар и деньги,— вкрадчиво произнес помощник,— инициатива не нужна, я так думаю. А, Усманжон-ака?

— Сначала хозяин, потом инициатива,— кивнул степенно Валиев.

Чарыев неслышно отступил к двери.

— Постой,— остановил его Пулатов.

Чарыев замер на месте.

— Мне тут позвонили,— Пулатов взял в руки пиалу с остывшим чаем, сделал глоток, поставил пиалу на место, — дело твоего дружка... этого... Алимова...

— Какой он мне дружок, Рахматжон-ака!— запротестовал было Чарыев, но осекся, видя, как дернулась бровь у шефа.— Мальчишка...

— Дело его передали в суд,— не повышая голоса, закончил Пулатов.— Все. Иди работай.

Чарыев ушел. Пулатов с минуту задумчиво сидел, вертя в руках коробок спичек, поднял голову:

— Значит, говоришь, последний этаж?

— Он только потом об этом вспомнил,— хихикнул помощник.

— Ну, надо посмотреть, что там за товары пришли,— поднялся Пулатов.

За ним встал и Валиев. Помощник подбежал к двери, открыл ее.

— Заходи, когда будет время,— пожал руку Усманжону Пулатов.

«Жигули» свернули с проезжей части, осторожно проехали по бетонному мостику и, качнувшись, затормозили перед железными воротами, выкрашенными бронзой.

Валиев вышел из машины. Открыв калитку, сбросил задвижку и распахнул ворота. Просторный двор, сплошь выложенный бетонными плитками, вдоль забора — виноградные лозы, посередине — глубокий бассейн, деревянная супа, над которой раскинула тяжелые ветви орешина.

Валиев закрыл ворота, вынул из кармана конфету и кинул собаке.

— Это тебе.

Наруш понюхал конфету, вильнул хвостом, но не приронулся. Потом повернулся и пошел к будке справа от ворот.

Валиев усмехнулся.

— Смотри-ка, не хочешь?

В доме было прохладно. Ровно гудел кондиционер. Валиев скинул рубашку, достал из холодильника бутылку минеральной воды, выпил.

Зазвонил телефон.

Нехотя подошел, снял трубку:

— Слушаю.

— Усманжон?

— Я.

— Набиев говорит.

— Рад тебя слышать, Талибжан.

— Ты сегодня газеты читал?

— Не-ет,— неуверенно ответил Валиев, метнув взгляд на стопку газет, только что вынутую из ящика для писем и, конечно же, даже не рассортированную.— А в чем дело?

— Статья там...

— Какая статья?

— Ты возьми, возьми газету в руки.

Валиев кинулся к газетам, принес всю стопку к телефону.

— Ты меня слышишь? Алло! Усманжон! Алло!

— Подожди!

Валиев лихорадочно начал листать газеты.

— Что ты смотришь? Что смотришь, тебя спрашиваю!— кричал на другом конце Набиев.

— «Коммуна»?

— Какая «Коммуна»? Смотри столичную — «Совет Узбекистони». Нашел?

Валиев не ответил, быстро отыскал, что нужно. Глаза его лихорадочно, кусками, глотали текст.

Статья была большая, заняла почти всю четвертую страницу и называлась броско: «Сильный человек». Да. Автор не пожалел ни красок, ни фактов, чтобы очернить, да что там очернить, просто уничтожить человека, о котором писал.

— Прочитал?

— Н-да,— пожевал губами Валиев.— Что же теперь будет?

— Не хотел бы я оказаться в шкуре Рустамова,— после нескольких секунд молчания ответил Набиев.

— Я тоже.

— По-моему, — снова заговорил Набиев,— время сушить сухари.

— Плохо ты знаешь его,— усмехнулся Валиев, хотя в голосе не было уверенности. — Выплывет.

— Не знаю, не знаю,— вздохнул на другом конце провода Набиев.— Мне кажется, это только начало. Такие статьи просто так не появляются. Чтобы поднять руку на Рустамова... Один его тесть там, в Ташкенте...

— Все ясно,— перебил Валиев.— Я тебе еще позволю. До встречи.

Он положил трубку, некоторое время задумчиво смотрел в пространство, не зная, что делать. Звонить, искать, ехать куда-то?.. Статья уже вышла, поезд, как говорится, ушел и на полной скорости несется куда-то. Вот вопрос — куда?

Мысль работала с лихорадочной быстротой, строя гипотезы, отвергая одно, отыскивая забытое, пробуя состыковать то, что раньше и в голову не приходило.

Рустамов, председатель треста общепита, — глыба, сдвинуть которую, казалось, не под силу ни одному смертному. Особенно после того, как он породнился с самим Ариповым. Нет, конечно, все это пустяки. Рустамов есть Рустамов, он выплывет. Вот только как вышла эта проклятая статья, ведь должен был Рустамов знать, что против него готовится!

Валиев выключил кондиционер, погасил свет и вышел из дому.

5

Старший советник юстиции Рахимов говорил долго и обстоятельно. Он подробно перечислил количество детей подсудимого Турсунова, зачитал характеристики с последнего места работы, отзывы соседей и товарищей. Казалось временами, он забывал, что является обвинителем.

— Наказание — это не только кара за совершенное преступление, — звенел его голос, обращенный скорее к залу, чем к суду.

«Любит, наверное, смотреть индийские фильмы», — подумала Сайдаматова. Она старалась не смотреть на Рахимова, картинно размахивающего руками, выверенно играющего голосом. Зал был переполнен родственниками, друзьями и знакомыми подсудимого. В большинстве это были пожилые, солидные люди, которые теперь старались держаться как можно незаметнее, прятали глаза, когда встречались с ее взглядом.

Сайдаматова незаметно глянула на часы, вздохнула. Снова не успевает в школу к Флоре. Стыдно, уже несколько раз договаривалась с врачом о встрече, и все не получается.

— Наказание имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду. Но, в то же время, наказание не имеет целью причинить излишние физические страдания, — патетически говорил обвинитель. Сделав многозначительную паузу, Рахимов за-

кончил:— Я считаю, что преступление Турсунова подпадает под статью 118, и требую для обвиняемого трех лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Все, я закончил.

Он сел и стал складывать в папку бумаги.

Подсудимый откинулся на спинку стула, смахнул со лба капельки пота. Кажется, пока все хорошо. Он взглянул на адвоката, перевел взгляд в зал.

Защитник Лисицын считался лучшим адвокатом города. И Турсунов очень надеялся на его опыт и мастерство.

— Товарищи судьи!— откашлялся Лисицын, когда Сайдаматова предоставила ему слово.— Внимание, с которым я изучал малейшие подробности этого трудного дела, полное беспристрастие, о котором не забывал ни минуты в интересах раскрытия истины, дают мне право надеяться...

Сайдаматова смотрела в окно. Негромкий, вкрадчивый голос Лисицына навевал сон. Почему-то вспомнилось первое дело. Она, молодой следователь, приехала в районный городок сразу после окончания университета. На второй день службы начальник отделения вызвал ее к себе и вручил папку:

— Принимай, Фатимахон, дело о наезде. Месяц бьемся с ним, пора передавать материалы в суд. Ознакомься, сделай, что надо, и отсылай. Работы много, так что действуй.

Она внимательно просмотрела дело, и многое в нем показалось ей нелепым. Пришлось вновь вызывать свидетелей, опрашивать их, чтобы выяснить все подробности. Ходила в больницу к потерпевшему. Еще раз вместе с экспертом проанализировала заключение экспертизы. Заключение дополнилось отдельными деталями, почему-то не учтенными экспертом раньше, но очень важными. И Сайдаматова пришла к выводу, что водитель невиновен.

Тогда она обратилась к прокурору, потратила полдня, чтобы доказать невиновность водителя, сама напечатала постановление об изменении меры пресечения, на котором прокурор после некоторого колебания поставил подпись, и поехала в следственный изолятор. Но когда она сообщила подследственному, что приехала освободить его, и заглянула ему в глаза, то увидела в них только боль и ненависть.

— Вы думаете, я вам спасибо скажу?!— закричал он ей в лицо.— Не дождетесь!— и повторил со слезами на глазах:— Не дождетесь!

Он ушел, а она, ошеломленная, стояла у ворот и с горечью думала о людской неблагодарности.

И только много лет спустя, вспомнив однажды того человека и его слова, Сайдаматова поймала себя на мысли, что зря она тогда обиделась. Человек просидел в изоляторе полтора месяца, просидел невинно, и в том, что она обнаружила нарушение законности и освободила его из-под стражи, не героизм, а долг, каждодневная ее работа...

— Прошу всех встать. Суд идет!

Сайдаматова выждала, пока установится тишина.

— Именем Узбекской Советской Социалистической Республики...

Она успела отметить про себя ободряющий взгляд Лисицына, его кивок Турсунову, побелевшие пальцы подсудимого.

— Турсунов Салим Саитович приговаривается к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима...

6

Прокурор и заседатель в перерыве между заседаниями суда играли в шахматы.

— Шах, уважаемый Салиджан Рахимович,— сказал заседатель, двигая вперед офицера. Он поднял голову и увидел направленный на прокурора напряженный взгляд Сайдаматовой.

Рахимов задумчиво жевал губу, не замечая этого взгляда.

— Салиджан Рахимович,— не выдержала Сайдаматова.

Прокурор удивленно вскинул голову:

— Слушаю вас, Фатимахон.

— Я понимаю Лисицына, он защитник, — она пристально смотрела ему в глаза.— Но ваше обвинение Турсунову...

— Оно вам показалось слишком суровым?

Рахимов пробовал шутить, но Сайдаматова не отреагировала.

— Когда я слушала ваше обвинение, я все время спрашивала себя: кто вы? Обвинитель или адвокат?

— Не понял вас!..

В голосе прокурора звякнул металл.

— Вам было жаль Турсунова?

— Я никого не жалею, уважаемая Фатима Кадырова, — задвигал желваками прокурор. — Три года тоже не курорт.

— Он злостный расхититель, который давно должен был сидеть за решеткой, — жестко сказала Сайдамадова. — Человек, который наживается за счет других, из года в год обворовывает государство...

— У вас стали сдавать нервы, Фатимахон, — прервал ее Рахимов. На лице его застыла холодная улыбка. — Вы стали слишком жестоки, а это непозволительно человеку, которому доверили весы правосудия... — И, неожиданно изменив выражение лица, добавил саркастически: — Впрочем, вы тогда с моей «либеральностью» не посчитались...

— Кому, ты говоришь, попало дело?

Пулатов перехватил телефонную трубку левой рукой, правой вытащил из заднего кармана брюк платок, вытер шею, лоб.

— Сайдамадовой... Вы ее знаете, Рахмат-ака? — кричал на противоположном конце в трубку Чарыев.

— Не суетись.

— Что вы сказали, Рахмат-ака?

— Возьми себя в руки, говорю, — повысил голос Пулатов. — Она будет делать свое дело, понял? Все.

Он бросил трубку, вздохнул, пожевал губами.

— А начнет сомневаться...

Снял трубку, начал набирать номер.

— Да.

— Усманжон?

— Слушаю, Рахмат-ака. Здравствуйте.

— Привет, — скривился Пулатов. — Дело у меня к тебе срочное. Загляни вечером ко мне.

— Договорились, — отозвался Валиев после паузы. — Я тоже хотел вас увидеть. Кое-что о делах Рустамова узнал.

— Не до него сейчас. Жду.

7

— Джафар, хватит думать, — позвал Алимова Рябов, разбитной малый, попавшийся за драку. — Лучше «козла» забьем.

— Оставь его,— смешал костяшки Рашид.— Человек мучается.

— Мучайся не мучайся — все равно дело хана,— философски заключил третий. Он сидел, терпеливо дожидаясь, когда Рашид кончит мешать и можно будет взять костяшки.

— Да,— вздохнул Рябов.— Убийство — это тебе не драка. Мне самое большое — три года, а за убийство...

— Не каркай, Рябой,— оборвал его Рашид.— Бери кости.

Рябов сделал ход, посмотрел на Рашида.

— Грубый ты человек, Рашид,— заключил он через некоторое время. — А все почему?..

— Почему?— подняли головы игроки.

— Потому что сильный,— объяснил Рябов. — Не пойму только...

Он сделал ход и молча наблюдал за игрой.

— Чего не поймешь?— не выдержал Рашид.

— Ты татарин?

— Ну.

— Высшее образование имеешь?

— Не темни,— сверкнул глазами Рашид.

— Как же случилось, что ты, представитель народа, который слывет честным, трудолюбивым, таким вот,— Рябов сжал кулак и потряс им над столом,— как же ты, сильный человек, с высшим образованием, попал в тюрьму к хулиганам и убийцам? Можешь это объяснить?

— Рыба!— с грохотом опустил руку с костяшкой Рашид.— Считаю очки, трепло.

В этот момент щелкнул замок и на пороге возник дежурный контролер.

— Рыбачите, шурики?— Старшина оглядел камеру.— Кто дежурный?

— Я здесь, начальник!— взял под козырек Рябов.

— Почему лежат в неположенное время?

— Джафар,— обернулся к Алимову Рябов.

Джафар вздохнул, сел на кровати.

— Вот так-то,— хмыкнул старшина, кивнул Рябову.—

Кто тут Алимов?

— Он и есть,— указал на него Рябов.— Освобождение?

— Пошли,— махнул ключами старшина, не удостоив Рябова ответом. И добавил, видя нерешительность Алимова:

— Следовательно тебе свидание разрешил...

Джафар слушал мать, которая торопливо пересказывала ему домашние новости. Стоило ей замолчать, как в комнате для свиданий возникла тягостная тишина, нарушить которую у него не было ни сил, ни желания. И что он мог рассказать матери? Какие новости могут быть в его положении?

И мать, понимая его состояние, боялась замолчать.

— Я выкупила твои книги в магазине,— говорила она, заглядывая в глаза сыну.

Джафар кивнул и снова ничего не сказал в ответ.

— Большие такие. Продащица посмотрела по карточке и дала их мне, говорит — почему до сих пор не выкупили, нельзя так.

— Бидstrup, наверное,— глянул на мать Джафар.

— Картинки там,— закивала мать.

Джафар ничего не ответил ей. Бидструпа он давно выкупил, кроме последнего тома, и подарил товарищу (он усмехнулся — «товарищу Лиде». Что она сейчас о нем думает, «товарищ Лида»?)). Видимо, в карточке забыли отметить, и вот мать снова приобрела эти уже выкупленные однажды тома.

— Дело уже передали в суд.

— Я догадался.

Контролер взглянул на часы:

— Время. Свидание окончено.

Джафар встал, растерянно улыбнулся матери.

— Ты держись, мама.

— Сынок!

Мать прижала платок к потрескавшимся губам. Джафар направился к двери, неожиданно вернулся, обнял мать.

— Держись, мама,— повторил он, чувствуя, как к горлу подкатил твердый комок, и быстро вышел из комнаты.

8

Лисицын насупившись сидел перед председателем городского суда.

— Нельзя же так, Рустам Халилович,— поминутно шелкал он суставами пальцев.— Если бы я плохо знал Сайдаматову, я бы прямо сказал, что она использует свое положение для сведения счетов.

— С кем? С вами?— улыбнулся Халилов, могучий мужчина лет пятидесяти, с густой, совершенно седой шевелюрой.

— Вам смешно, Рустам Халилович, а мне какво?— горячился Лисицын.

— Сайдаматова — кристально честный человек.

— Я и не опровергаю это,— закивал Лисицын.— О ней можно книгу писать.

— Вот именно,— согласился председатель.

— Но она, кроме того, еще и судья. А на этом месте еще и сердце нужно.

— Тут я с вами согласен,— вздохнул Халилов.— Фатимахон слишком иногда круто берет.

— Иногда! — вскричал Лисицын. Вскочил, нервно забежал по кабинету.— Иногда! Если бы так, иногда!

Халилов вызвал секретаршу.

— Пригласите ко мне Сайдаматову.

Лисицын замер, присел на стул:

— Мне уйти?

— Можете остаться,— разрешил Халилов, налил в палю чай и протянул адвокату.

— Вызывали, Рустам Халилович?— в кабинет вошла Сайдаматова.

— Если тебя не вызвать, сама не придешь,— поднялся ей навстречу Халилов.

Он пожал ей руку, усадил рядом с собой на диван.

Лисицын холодно кивнул Сайдаматовой. Та ответила, обернувшись к председателю.

— У меня к вам дело,— сказала она.— Я по поводу Алимова.

— Ну вот, сразу о деле,— развел руками Халилов. Он взял из ее рук папку, положил рядом, на свободный стул.— Лучше расскажи о себе: как дома, как дети. Мурат, наверное, уже в женихах ходит? Давно его не видел, и Флору тоже. В каком она классе?

— В девятый перешла,— улыбнулась Сайдаматова.

— Скажите, Фатима Кадыровна,— вдруг не выдержал Лисицын, заговорил дрожащим голосом.— Вы что-то имеете против меня?

— О чем вы?— удивилась Сайдаматова.

— Третий раз вы меня «наказываете»? За что? Что я вам сделал?

— О чем вы, Лев Давыдович?— еще больше изумилась Сайдаматова, перевела взгляд на Халилова.

— Лев Давыдович!— укоризненно покачал головой председатель суда.

Но Лисицын уже не мог больше сдерживать себя.

— Вы уже успели забыть!— он хлопнул себе по коле-

ну.— Мое последнее дело. Турсунова! Ведь даже прокурор просил для него три года. Три года!

— Ах, вот в чем дело!

— Вот именно,— кипятился Лисицын.— Или я чего-то недопонял? Вам не понравилась его физиономия, как он держал себя на суде? Понимаю, случается такое, умные люди называют это социальной несовместимостью. Есть нечто подобное...

— Вот что,— поднялся Халилов.— Вы, Лев Давыдович, можете быть свободны, а мы тут сами поговорим.

Лисицын резко встал, обиженно дернул головой:

— И все-таки я...

— Я думаю, так будет лучше,— протянул ему руку Халилов. Проводил до двери.

9

— Значит, на оперативную работу потянуло?

— Устала я, Рустам Халилович,— вздохнула Сайдаматова.

— Думаешь, там легче? Отдохнуть сможешь?

— Нелегко,— улыбнулась Сайдаматова.— Просто я чувствую...

— Что ты чувствуешь?

— Нужно менять работу. Что-то изменилось вокруг. Может быть, правы люди: ожесточилась я.

— Понимаешь ведь,— обрадовался Халилов,— значит, можешь взять себя в руки. Ты судья, в твоих руках судьбы человеческие.

— И все же я прошу вас,— встала Сайдаматова, как бы ставя точку в разговоре.— Не отпускайте — сама уйду.

Халилов резко вскинул голову, посмотрел ей в глаза. Она твердо выдержала взгляд, кивнула:

— Вы должны меня понять, Рустам Халилович.

— Ладно, иди, — махнул он рукой. — Я подумаю.

Сайдаматова пошла к двери, вдруг обернулась:

— А дело Алимова все же отсылаем на следствие.

Халилов несколько секунд непонимающе смотрел на нее, махнул рукой:

— Делай как знаешь.

Он устало сел на свое место, склонился над бумагами. Сайдаматова тихонько закрыла за собой двери.

Часы, которые Сайдаматова сняла и положила сбоку, едва слышно тикали, показывая начало девятого вечера. В комнате уже начинало темнеть, но она не замечала этого, все читала и перечитывала объяснения, заключение экспертизы, протоколы допроса обвиняемого Алимова, свидетелей — товарищей по работе, тех, кто был у него в гостях в тот злополучный вечер, когда был убит Газиев.

Перед ее мысленным взором вставало спокойное, чуть нервное лицо Алимова. Он несколько раз приходил к Мурату и сразу показался ей умным, вдумчивым парнем. Помнится, она даже сказала как-то Мурату, что такие, как Джафар, бывают верными в дружбе. Почему она так тогда решила?

Сейчас, как ни пыталась вспомнить, Сайдаматова не могла указать истинную причину своих слов. Может, взгляд его ей понравился, или то, как он держал себя с окружающими? Не то, не то. И все же... Было в Алимове что-то настоящее. Такой человек не может убить!

Но почему она так уверена в этом?

А если бы Джафар не приходил к ее сыну, если бы она раньше никогда не видела этого парня, значит, спокойно приняла дело к производству? Приняла и осудила?

Что же так ее тревожит?

Сайдаматова посмотрела на часы. Давно пора было уходить, но она снова углубилась в чтение протокола допроса Алимова. «...Я ничего не помню. Не помню, как все произошло,— бежали неровные буквы по линейкам.— Мы сидели за столом, потом я очнулся, никого нет. Я встал и увидел убитого Тимура...»

«...Прошу во всем винить только меня. Я виноват. Я убил Газиева, ударил его ножом, но, честное слово, не помню, как это произошло. Ничего не помню...»

«...Мне стало плохо, и я решила уйти домой,— писала в объяснении Курочкина Лидия Петровна.— Джафар сильно опьянел и не мог меня проводить, и со мной пошел Чарьев...»

«...Сначала Джафар немного приревновал Лиду к Тимуру, но потом они успокоились, стали пить за дружбу. Джафар попросил меня проводить Лиду до дома, и я ушел. Не знаю, что потом между ними произошло, потому что, проводив Лиду, я пошел к себе...» — это Чарьев.

Как же они могли оставить их вдвоем, если между ними была ссора, почему ушли?— снова и снова спраши-

вала себя Сайдаматова, чувствуя, что здесь что-то не так. Объяснения, признания, написанные собственноручно, заключение экспертизы — все есть.

Нет лишь уверенности, что трагедия произошла именно так, как подана в деле. Нет уверенности — и Сайдаматова не могла избавиться от сомнений. И снова ей вспомнился отец, далекое детство, белая пыльная дорога перед домом, низенький глиняный забор, ветхая деревянная калитка с цепочкой вместо замка. Отец тоже не был уверен, что человек, которого он знал давно, который приходил в его дом, ел с ним из одного лягана, этот человек — преступник. Не поверил и прямо спросил его, забыв об осторожности. Забыл и поплатился за свою доверчивость. Поплатился не только своей, но и жизнью жены.

Сайдаматова с необыкновенной ясностью вспомнила тот страшный день, когда мать и отца везли на телеге к кладбищу, как за телегой беспорядочной толпой шли милиционеры, соседи, знакомые. На белесоватой, выжженной безжалостным солнцем земле резко выделялись свежие могильные холмики. Капитан, друг отца дядя Талиб, обнял ее за плечи, прижал к себе.

— Товарищ Сайдаматов был настоящим чекистом, с чистой совестью и большим сердцем. Это был честный и бесстрашный человек, фронтовик, кавалер многих орденов и медалей,—говорил громко капитан.— Но для него, как и для всех нас, его соратников, не кончилась война. И пусть наши враги запомнят, пусть слышат: пока мы живы, пока бьются наши сердца — не будет покоя бандитам, спекулянтам и всякой другой нечисти!.. Я хочу пообещать тебе, дорогой друг,—обратился капитан к холмику,— что дочь твоя Фатима не останется одна. Я обещаю тебе: она станет учиться и вырастет таким же прекрасным и честным человеком, каким был ты, Кадыржан.— Он поднимает руку с наганом, оглядывает застывший строй милиционеров: — Пли!..

10

Флора огляделась по сторонам, на цыпочках приблизилась к окну и заглянула вовнутрь, где беседовали мать и школьный врач.

Сайдаматова сидела спиной к окну и обернулась, когда врач погрозил Флоре пальцем.

— Заждалась вас дочка.

Сайдаматова поднялась.

— Никогда Флора не жаловалась на боли, даже и не знаю, что думать.

— Страшного пока ничего нет,— успокоил ее доктор, провожая до дверей.— Пускай врачи ее обследуют, я могу ошибаться.

— Я отвезу ее в Ташкент.

— Зачем же сразу в Ташкент?— мягко улыбнулся доктор.— Пусть ее обследуют в областной больнице, а потом посмотрим. У нас неплохие врачи.

Сайдаматова пожала врачу руку и вышла. Он подошел к окну и видел, как к Сайдаматовой подбежала Флора, помахала ему рукой и, заглядывая в глаза матери, что-то начала спрашивать.

— Чего ты врешь, чего врешь-то!— кричал на женщину Трохин, тщедушный, средних лет, с редкими седыми волосами на макушке.

Сайдаматова постучала карандашом по столу.

— Трохин, ведите себя, как подобает в суде.

— Пусть не вешает лапшу...— он запнулся,— то есть не обманывает пусть.

— Я лапша, да?!— взъярилась женщина. — Я обманываю? Бесстыжие твои глаза, Трошка!

— Не было там двух килограммов, — обратился Трохин к Сайдаматовой.— Одни кости. Совести у человека нет,— он покачал головой.— Зачем людям голову морочить, Роза-апа?

— Не было, говоришь, да? — упирая руки в бока, обнажила в агрессивной улыбке ровный ряд золотых зубов женщина.— Нет, ты в глаза мои смотри,— дернула она Трохина за рукав, когда тот отвернулся.— Картошки тоже не было, да? Морковка, лук, чеснок, болгарский перец...

— Огурцы, помидоры, дыни, болгарские яблоки,— начал перечислять Трохин.

В зале засмеялись:

— Арбузы забыл!

— Виноград!

— Вот видишь,— обрадовался Трохин.— Даже люди над тобой смеются.

— Прекратите, Трохин!— повысила голос Сайдаматова.

Трохин замолчал, сел на стул, положил руки на колени, всем своим видом изображая покорность и смирение.

— Вопрос Трохину.

— Слушаю вас,— вскочил со стула Трохин.

— Второго мая сего года вы проникли в квартиру гражданки Хайруллаевой и унесли из кухни Казан с шурпой.

— Только-только кипеть начала,— подсказала Хайруллаева, обращаясь к залу.— Сегодня шурпа, завтра еще что-то, потом грабительством станет.

— Казан с кипящей шурпой,— повторила Сайдаматова. Пряча улыбку, спросила как можно строже: — Было это?

— Что?

— Повторить вопрос?

— Нет, не надо,— встрепенулся Трохин.— Я все понял.— Он виновато оглянулся на зал.

— Отвечайте, Трохин.

— Так я, понимаю... выпивши был. Честное слово,— заторопился он,— врет она все. Не было там двух килограммов мяса. Одни кости, поверьте.

— Нет, вы только послушайте его!— вскричала Хайруллаева.

— Чтобы ты два килограмма за один раз?.. Кому ты сказки рассказываешь!— прервал ее Трохин. — Такой скряги, как ты...

— Трохин!

— Я же ее, товарищ судья, много лет знаю.

— Отвечайте по существу вопроса, — остановила его Сайдаматова.— Было или не было?

— Было, — едва слышно сдался Трохин.

— А если и было!— раздался голос из зала. — Неужели из-за казана шурпы человека в тюрьму? Стыдно, женщина.

— Хочешь шурпу, иди на базар или в столовую, — отпарировала Хайруллаева. — Я тоже человек, у меня семья.

— Как же вы дошли до такого состояния, гражданин Трохин?— укоряюще заговорил председатель, пенсионер с несколькими рядами орденских планок на полувоенном кителе.— Взрослый человек, один сын в армии, другой школу кончает. Стыдно! Какой вы им пример показываете!

— Вот и я о том же,— обрадовалась Хайруллаева.— Написать сыну в армию, пусть узнает.

— Ты говори, да не заговаривайся! — испугался Трохин.— Товарищи судьи, простите меня.

Он замолчал. Обвел умоляющим взглядом присутствующих в зале, опустил глаза

— Простите, я больше не буду,— закончил он шепотом.

— Простите его, что же вы!— раздался из зала старушечий голос.

— Обещай, Трошка,— грозно заглянула ему в лицо Хайруллаева,— что не будешь больше ругаться со мной. Воровать не будешь, обещаю.

— Обещаю, обещаю,— обрадовался Трохин, с надеждой глядя на судей.

11

— Я же говорил,— захлебывался Чарьев.— Рахмат-ака, она вернула дело на доследование.

— Ну и что?— Пулатов полуразвываясь сидел в кресле.— Что из того, чего ты боишься?

— Боюсь,— признался Чарьев, отводя бегающий взгляд.

— Ты же не виноват.

Чарьев встрепенулся, но его остановил жесткий взгляд Пулатова.

— Не виноват.

— Ну и не дрыгай ногами,— Пулатов изобразил на лице нечто похожее на улыбку.— Убийца сидит, во всем признался. Подумаешь, вернули на доследование. Ну, вызовут тебя, эту девушку... Кстати, как она там?

— Хорошо,— с готовностью ответил Чарьев.— В кино с ней ходил, туфли импортные достал.

— Вот, вот,— кивнул Пулатов.— Не обижай ее. Поддержи.

Он постучал пальцем по столу.

— Из комбината звонили?

— Все в порядке, Рахмат-ака.

Чарьев засуетился, торопливо вынул из кармана толстый бумажник.

— Оставь,— махнул Пулатов.— Домой принесешь.

— Сделаю,— кивнул Чарьев.— Две тысячи отдал экспедитору, Адхаму-ака.

— Поменял?

— Спрашиваете, Рахмат-ака,— поднялся Чарьев.— Одни сотни. Горяченькие, только из банка.

Возле прилавка остановился черноволосый парень кавказского типа, перегнулся через прилавок, подмигнул продавщице с тяжелым браслетом на левой руке. Брас-

лет был золотой, в виде змеи, кусающей себя за хвост. Парень взял продавщицу за руку, повернул, разглядывая браслет, улыбнулся:

— С покупкой новой, Любочка.

— Спасибо,— хотела вырвать руку продавщица, но тот цепко сжал пальцы.

— Хорошая работа.

— Отпусти, ну!

— Друг здесь?— разжал пальцы брюнет.

— Алик!— вместо ответа позвала девушка.

— Да,— отозвался через секунду Чарыев, выглянув из дверей внутреннего помещения.

— Тебя тут спрашивают.

— Привет,— расцвел Чарыев.

Они кренко пожали друг другу руки.

— Входи, гостем будешь.

— В другой раз, Адылжан,— подмигнул ему гость, выразительно глядя в глаза.

— Что-нибудь интересное?

— Лакированные, по сорок пять.

— Сколько?— оглянулся на Любу Чарыев, но она была далеко и не слышала их разговора. А может быть, и слышала, но сделала вид, что не слышит.

Чарыев удовлетворенно хмыкнул, хотя ее он не опасался. Но порядок есть порядок: она не должна знать, чего не полагается.

— Сколько привез?

— Тысячу пар.

— Давай.

— Только моя доля вперед,— остановил его брюнет.

— Жора, дорогой!— укоризненно глянул на него Чарыев.

— Я свое слово сказал,— выставил ладонь Жора.— Я маленький человек. Вы там разберетесь среди своих, а мне... Короче — понял меня?

— Ладно,— махнул рукой Чарыев.— Подъезжай с заднего хода, договоримся.

Брюнет вышел.

— Любочка, я к Рустаму-ака, а потом товар принимать. Если спросит кто, скажешь.

— Конечно,— кивнула продавщица, поправляя браслет.

Валиев смотрел, как двое подсобных рабочих упackages стереопроектор, колонки. Рядом стоял заведующий секцией, отдавал короткие приказания:

— Прокладку положите. Не видите? Прокладка там нужна. Ну работники,— он взглянул на Валиева.— Пусть погружают?

— Конечно,— кивнул Валиев.— Такси у входа.

— Давай,— скомандовал завсекцией.

Рабочие понесли ящики к выходу.

— Пластинки не забыл?— обратился к заведующему Валиев.

— Как можно,— улыбнулся тот, показал на один из ящиков.— Полный комплект: «Бони М», Руссос, Смоки. Все, как вы просили, Усманжон-ака.

— Где у тебя телефон?

— Пожалуйста.

Заведующий провел Валиева в свой маленький кабинет, где у него стоял новенький югославский аппарат.

— Звоните сколько угодно.

Валиев начал набирать номер. Послышались гудки, потом на другом конце сняли трубку.

— Алло!

— Алло, Флора. Здравствуй, это папа звонит.

— Здравствуйте, папа,— после паузы отозвалась Флора.

— Мурат дома? Он мне нужен на минуту. Позови брата, дочка.

Снова пауза.

— Папа, а почему вы всегда только Мурата спрашиваете?

— Я?.. Алло, Флора! Подожди.

Валиев, растерявшись, оглянулся на заведующего секцией. Почувствовав его состояние, заведующий вышел из кабинета.

— Флора.

— Я вас слушаю, папа.

— Ты понимаешь...

Действительно, почему он всегда говорит только с Муратом, почему?.. Нет, это чушь какая-то! Ведь он не раз спрашивал у сына, как там сестра, не нуждается ли в чем-нибудь.

— Я все понимаю,— нарушила затянувшуюся паузу Флора.— Сейчас я позову вам Мурата.

— Алло, подожди, Флора! Алло...

Но на другом конце уже не ответили, и он слышал, как Флора крикнула брата, позвала его к телефону.

— Алло, папа, здравствуй.

— Здравствуй, Мурат.

Валиев слышал прерывистое дыхание сына.

- Бежал, что ли?
- Да так. Я во дворе был.
- Как дела?
- Все нормально,— бодро отозвался Мурат.— Спихнул сессию.
- И как?
- Одна тройка,— запнулся Мурат.— По английскому.
- Что же это ты?
- Да не получается у меня с иностраным,— начал оправдываться Мурат.— Запас словарный у меня маленький.
- Пополнить нужно, сынок.
- Сам понимаю,— вздохнул Мурат на другом конце провода.— Теперь уж мать меня в Москву точно непустит.
- Посмотрим еще,— засмеялся Валиев.— Надеюсь, тройку ты в следующем году исправишь. Обещаешь?
- Постараюсь, папа.
- Тогда вот что, выйди на улицу. Там к дому сейчас такси подойдет. Я послал тебе кое-что. Понял меня?
- Понял, папа! Пойти?
- Давай, я еще позвоню потом.
- В трубке раздались короткие гудки. Валиев подождал секунду, улыбнулся, положил трубку на место.
- Сколько ей сейчас?— вслух спросил себя он.— Забыл! Фу ты! Отец называется!
- Он быстро вышел из кабинета.

12

В приемной первого секретаря горкома партии сидели несколько человек.

— У Сафарова кто-то есть?— подошел к секретарше полный, страдающий отдышкой мужчина.

— Он занят, Ибрагим Гафурович.

Мужчина вздохнул, посмотрел на дверь, сел на свободный стул.

— Значит, договорились?

Сафаров проводил Сайдаматову до двери, пожал тонкие пальцы.

— Не думайте превратно, Ганиджан-ака, я очень рада этому назначению.

— Рада не рада, а помочь надо,— сказал Сафаров, глядя ей в глаза.— Сколько сейчас твоему Мурату стукнуло? Лет шестнадцать, наверное?

Сайдаматова улыбнулась, покачала головой.

— Или больше?— удивился Сафаров.

— Больше, на второй курс перешел уже.

— Ты смотри!— воскликнул Сафаров.— Второй курс... Жених совсем, а я и не заметил.

— Я пойду, Ганиджан-ака. У вас в приемной уже заждались, наверное.

Она открыла дверь. Сафаров вышел за ней в приемную.

— Трудно будет — приходи без всяких. Помни всегда, за тобой партия. Ты комиссар, полпред наш, а комиссар всегда там, где трудно.

Когда Сайдаматова переходила улицу, за спиной она услышала визг тормозов легковой автомашины.

— Фатима!

Она оглянулась. Из-за приспущенного стекла «Жигулей» на нее смотрел Валиев.

— Здравствуй.— Он открыл дверцу и подошел к ней, протянул руку.

— Здравствуй. — Она будто не заметила его руки.

Валиев покраснел, опустил руку, нервно сжимая и разжимая пальцы.

— У Сафарова была?— он мотнул головой на здание горкома партии.

— У Сафарова.— Сайдаматова помолчала, потом спросила:— Тебе что-нибудь нужно от меня?

— Ничего.

— Тогда я пойду, прости. Мне некогда.

— Стой, Фатима. Я подвезу.

Сайдаматова пожала плечами, пошла к машине.

— Куда тебе?

Валиев включил зажигание, и через минуту они уже мчались по широкой тенистой улице.

— К горотделу милиции.

Сайдаматова опустила стекло, подставила лицо упругому теплomu потоку.

— Я совсем забыл,— повернул голову Валиев.— Тебя можно поздравить с возвращением на старую работу?

Сайдаматова поймала его скрытую ухмылку, сдвинула брови.

— Спасибо.

— Это благодарность за твою честную службу?

— Я сама подала заявление о переводе.

— Понятно,— кивнул Валиев.— Знаешь, ведь эта улица когда-то называлась Дворянской. При Скобелеве.

— Знаю. Это ты мне уже говорил. Двадцать лет назад.

— Неужели? — Валиев смущенно засмеялся, коротко глянул на Сайдаматову: — Запомнила же.

— Я многое запомнила,— спокойно ответила Сайдаматова.

— Ах, Фатима,— покачал он головой.— Ты все такая же.

Сайдаматова не ответила, смотрела вперед на несущиеся мимо вековые чинары, изредка встречающиеся акации. Автоматически отметила, что в городе почти совсем не осталось акаций. А ведь лет двадцать пять—тридцать назад нельзя было представить себе весну без нежных цветов этих красивых деревьев, без душистого аромата, который заполнял тенистые ровные улицы. Вспомнила недовольные возражения некоторых чиновников, которые воспротивились против новых насаждений акаций:

— Красота красотой, а от мошкеры в мае спасения не будет.

И многие согласились с этими доводами, а в результате исчез тот неповторимый, изначальный вид старых улиц, их весенняя нарядность. Даже тополя перестали сажать, потому что они якобы недолговечны. И как объяснить этим людям, поклонникам деревьев-долгожителей, что красоту нельзя мерить полезностью или бесполезностью, что те, кто строил город, засаживая улицы акациями и тополями, тоже думали о чем-то. А может, тот кто засадил парк диковинными деревьями, которые раньше не росли в этих местах, был просто поэтом?

Сайдаматова вздохнула. Как не хватает поэзии в сегодняшних деловых людях, в тех, кто занимается градостроительством, озеленением...

— В тебе много жестокости, а нужно быть добрее к людям, к их слабостям,— говорил Валиев, останавливая машину напротив старенького здания горотдела милиции. — Тогда ты могла бы избежать многих неприятностей.

Сайдаматова удивленно взглянула на своего бывшего мужа. Молча открыла дверцу.

— Фатима, я хотел попросить тебя...

— Ну вот, — она снисходительно улыбнулась, взглянула в глаза Валиеву. — Я же говорила, что ты без причины не появляешься.

— Ничего ты не поняла! — в сердцах вздохнул Валиев. — Тоже мне — Шерлок Холмс.

Он замолчал.

— Я слушаю, — спокойно сказала Сайдаматова. — Или... могу быть свободной?

— Отпусти Мурата в Москву.

— Как это? — не поняла она.

— Парень мечтает в столице побывать, в театры походить. Сессию он сдал нормально, неужели нельзя приятное ему сделать?

— Нет! — Сайдаматова вылезла из машины, захлопнула дверь. — Спасибо, что довез.

— Фатима...

— До свидания.

Она ушла, а Валиев смотрел ей вслед: как она переходит улицу, как поднимается на крыльцо, открывает дверь...

Он ее ненавидел в эту минуту. Почему в эту? Он всегда ее ненавидел. И всегда любил. Любил смотреть, когда она шла ему навстречу. Вот она от киоска, где покупала газеты, переходит улицу. Он отходит в тень, за будку телефона-автомата, чтобы она не сразу увидела его. Она не предполагает встретить его сейчас, потому что несколько дней назад он уехал в Ташкент и должен приехать только завтра. Но он приехал, сделал быстро все дела и приехал, потому что знал: она его ждет.

Он смотрит, как она медленно идет по улице, останавливается, чтобы пропустить какую-то машину. Глаза ее рассеянно блуждают по сторонам. Ему кажется, что она увидела его. Он чувствует, как в груди разливается что-то горячее, подается вперед, но она так же равнодушно отводит взгляд.

— Фатима.

Она резко оборачивается на зов. Удивление сменяется такой безудержной радостью, что он не выдерживает, смеется, идет к ней навстречу. И она словно бы расцветает, протягивает к нему руки...

— Усманжон, привет.

К открытому окошку склоняется знакомый лейтенант.

- Привет,— изображает улыбку Валиев.
- Подбросишь до театра?
- Садись.

Полковник и не пытался скрыть своей радости. Он ходил по кабинету, потирал довольно руки, говорил, глядя на Сайдаматову:

- Я рад, Фатимахон, очень рад вашему возвращению!
- Я тоже рада.

— Теперь мы с вами такие дела завернем...— Полковник провел ладонью по горлу.— Вот так вы мне нужны были. Когда сказали — честное слово, боялся поверить. Сглазить боялся: вдруг раздумают.

— Не раздумали, как видите,— улыбнулась и Сайдаматова.

— А помните, как мы с вами когда-то работали?

— Только тогда вы были много моложе. И капитаном.

— А вы остались такой же молодой. И красивой.

— Спасибо за комплимент, но я...

— Я никогда не говорю комплименты,— запротестовал полковник.— И вы это хорошо знаете.

— Знаю.

— Чуть не забыл,— коснулся лба полковник.— Разрешите поздравить, Фатимахон, вам присвоено звание майора.

— Все это суета.— Сайдаматова встала.— Разрешите идти?

— Одну минуту. Обратили внимание на перестройку?

— Обратила. Теннисный стол поставили в коридоре.

— Теннисный стол? — полковник нахмурился.

— Я что-то не так сказала?

— Нет, нет. Все правильно. Дельное замечание.

— Я и не думала делать замечание,— запротестовала Сайдаматова. Но полковник уже нажал на кнопку. Дверь открылась, и на пороге возникла секретарша с блокнотом в руке.

— Я приказал убрать теннисный стол во двор, почему до сих пор приказ не выполнен? — И, когда за секретаршей закрылась дверь, недовольно поморщился.

— Разрешите идти? — еще раз спросила Сайдаматова.

— Да, пожалуйста,— кивнул полковник. Но, когда

она подошла к двери, снова окликнул ее:— Фатима Кадьровна, подождите.

Сайдаматова вопросительно посмотрела на полковника. Тот смущенно сказал:

— Ради бога, не думайте, что это я специально, но... так получилось. Людей мало. Кто в отпуске, кто сразу после университета...

Сайдаматова молча ждала.

— Короче, будете работать со следователем прокуратуры над делом Алимова. Некому больше, а у вас опыт...

14

Душный спертый воздух в камере не давал уснуть. Джафар лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел в желтый, обкуренный махорочным дымом потолок.

За столом стучали костяшками доминошники. Водяной — нестоимый выдумщик и рассказчик — как всегда, рассказывал что-то интересное. Попал он в камеру всего три дня назад, но сразу стал своим, будто жил в ней по меньшей мере полгода. Даже хмурый Рашид позволял ему подшучивать над собой.

— Читал я в какой-то книге, что в Рио-де-Жанейро полиция выдрессировала удава. Представляете, — лукаво говорил он, — заходишь на допрос, а тебя встречает удав, и сидит он не где-нибудь, а в кресле следователя.

— Опять врешь? — не выдерживал Рябов.

С приходом Водяного он оказался как бы в тени и потому старался всячески опровергнуть рассказы новичка.

Водяной будто и не слышал.

— Понятно, все раскалываются, — продолжал он.

— Что же, — коварно улыбнулся Рябов, чувствуя, что пришел час его торжества, — полицейские его и говорить научили?

— Кого? — не понял Водяной.

— Удава твоего.

Водяной несколько секунд удивленно смотрел на Рябова, пожал плечами.

— Дурак ты, Рябов, или только притворяешься?

— Что ты сказал? — вскочил Рябов. Губа его задергалась, глаза налились кровью. — Да я тебя...

— А если я тебе сейчас в торец, а? — спокойно отрезвил его Рашид. — Чего к человеку цепляешься? Трогает эя тебя?

Рябов буркнул себе под нос что-то грубое, сел.

— Встать! — неожиданно рявкнул Рашид.

Джафар чуть повернул голову и посмотрел на Рябова, который вскочил и замер, вытянувшись перед Рашидом. Тот тяжело и прерывисто дышал, уставившись на Рябова налившимися кровью глазами.

Все молчали. Первым заговорил перепуганный Рябов:

— Ты что, Рашид, шуток не понимаешь? Я же просто так, пошутил. Брось ты злиться...

— Садись, — наконец разрешил Рашид. — И чтобы без выступлений. Не мешай, когда человек говорит, понял?

— Понял, Рашид, — быстро согласился Рябов, боясь даже посмотреть в сторону Водяного. — Я все понял, чей ход? Мой, да?

— Убери руки, — снова повысил голос Рашид. — Ходи, Водяной, твоя очередь.

Джафар улыбнулся, скользнув взглядом по лицу Рашида. Он уже успел изучить нрав этого парня, который, несмотря на свой огромный рост и свирепый вид, обладал удивительно мягким характером. Видно, здорово его Рябов допек, если Рашид сорвался.

Характер мягкий, а вот ведь здесь Рашид почему-то. Значит, натворил что-то неположенное. Если верить ему, то влип он совершенно случайно, можно сказать — ни за что. Шел по улице, к нему пристали. Вернее, пристали к девушке, которая шла впереди него. Рашид заступился, врезал кому-то. Девушка убежала, а у того, кому он врезал, оказалась сломана челюсть. И вот он здесь.

Джафар вздохнул, поймав себя на мысли, что и верит и не верит в рассказ Рашида. В тюрьме мало кто говорит правду. Нет, не то он хотел сказать. Говорят правду, говорят, только не всю. Правда как бы приобретает ту окраску, которая выгодна для рассказчика. Всегда выходит, что грех есть за каждым, но по-настоящему виноваты те, кто остался там, за зарешеченным окошком, на воле. Вот и у него, Джафара, тоже так. Чует, что не убивал, но теперь, конечно, вся вина падает на него, потому что он в следственном изоляторе, потому что там, на воле, легче подтасовать факты и выставить виновным именно его.

Странно, время здесь как будто останавливается, стираются границы между часами, минутами. Открыл глаза — утро, закрыл, снова открыл — ночь. Никогда раньше не думал, что может молчать так долго. В детстве, играя с товарищами в молчанку, больше минуты не выдерживал,

хоть пробовал даже завязывать себе рот. А тут даже слово произнести сил нет — пустота внутри и какое-то отупение. Только почему-то вспоминаешь дом, ходишь мысленно по улицам. Лица вспоминаешь товарищей, себя рядом с ними, слышишь свой голос, только слов не разобрать. Хотя, что разбирать, слова ведь в нем самом, он прекрасно принимает, что говорит его душа...

Джафар почувствовал, что ему не хватает воздуха, повернулся на бок, лицом к стене.

Скорей бы суд, что ли. Сколько же можно тянуть, хоть разбежись — и головой об стену... Он представил себе эту картину, представил последствия и поежился от холодного озноба. Даже почувствовал боль в верхней части черепа.

Странно, и жить как будто не хочется, и умереть страшно. Почему человек постоянно как бы раздваивается, почему ему так трудно выбрать что-то одно? Выбрать и... сделать. Всего три месяца, как он попал сюда, в эту камеру, а кажется, прошел по меньшей мере год. За эти месяцы полкамеры сменилось, кого увели на суд, а после суда они попадают в другие камеры, к осужденным, кого просто перевели в другое место. После них пришли другие. И так три месяца. Три месяца! А что еще впереди...

Джафар закусил подушку, чтобы не застонать. Вспомнились слова Водяного: «Чего боишься, парень? В колонии тоже жить можно, только не раскисай».

«Тебе-то что, обворовал квартиру. За это года два, от силы три получишь, а я... десять лет, понимаешь? Десять!»

«Обворовал, это ты точно, — засмеялся тогда Водяной. — Только ты упускаешь один важный факт, что ходка у меня эта не первая, а по новым законам — это уже рецидив. И мне теперь светит минимум шесть лет. Да ты не хандри, отбудем по три-четыре года, и выпустят».

«Как выпустят?!»

«Условно. На стройку куда-нибудь, или еще что. Работы на наш век хватит, а это тебе не колония. Девочки, вино — короче, почти воля. Единственно неприятная вещь — комендант, ну да с этим мириться можно. Особенно, если мужик нормальный попадется...»

Громкий лязг открываемого запора заставил Джафара поднять голову.

— Алимов, без вещей.

— Джафар, — окликнул его Водяной. Стукнул костяшками. — Проехал.

Джафар вышел в коридор, подождал, пока контролер закроет дверь. Прошли по коридору. Яркий свет ослепил

глаза. Джафар зажмурился, задержался на несколько секунд, потом медленно двинулся вперед.

Солнце. Как много на улице солнца. И почему он раньше не замечал этого? Он жадно втянул в себя горячий воздух, подставил ласковым лучам истосковавшееся по ним лицо. О боже! Как бы он хотел сейчас вырваться отсюда! На день, на час, на одну минуту. Просто едохнуть воздух за этими каменными стенами. Или взвиться вверх, в небо! На несколько секунд, мгновений! А потом можно и вниз. Хоть камнем...

— Зря вы это затеяли. Ни к чему.

Джафар отвел взгляд, вынул из кармана полупустую пачку «Дымка», закурил, глубоко затянулся.

Сайдаматова терпеливо ждала, давая ему возможность высказаться.

— Ведь передали уже однажды в суд, я подписал все бумаги,— говорил Джафар, не глядя на Сайдаматову.— Признался во всем. Зачем тянуть, мучить и себя, и меня?

— Положим, следователь лучше знает, когда и что делать,— сказала Сайдаматова, листая записную книжку.

— Но я тоже живой человек! — зло проговорил Джафар.— Сколько же можно таскать по допросам.

— Вы так торопитесь быстрее попасть в колонию?

— Куда угодно,— выдохнул Джафар, ломая сигарету.— В колонию, под расстрел, куда угодно, только побыстрее.

— Что же делать,— задумчиво сказала Сайдаматова, поправляя чистые листы бумаги перед собой.— Мы не можем спешить, работа такая.

15

— Женщина, передайте, пожалуйста, билет.

Сайдаматова невидяще смотрела в окно, держась рукой за поручень автобуса.

— Женщина, я вас прошу!

— Простите,— виновато взглянула Сайдаматова на пожилого мужчину, взяла у стоящего впереди пассажира билет и передала.

— Здесь автобус,— ворчал мужчина.— Мечтать дома нужно.

— Ну чего к человеку пристал, старый? — одернула

его женщина.— Подали билет, так он еще и возмущается. Не нравится, в такси садись.

— А вы мне не указывайте,— начал возмущаться мужчина. — На чем хочу, на том и езжу, имею право...

Автобус затормозил, водитель объявил остановку. Сознание Сайдаматовой автоматически это отметило, и она вышла из автобуса.

«...Ничего я не помню,— все слышится ей надрывный голос Алимова.— Я уже столько раз отвечал на эти вопросы, что, кажется, с ума сойду, если так пойдет и дальше. Ну что вам еще надо подписать? Давайте, где ваши бумаги?.. Я убил Тимура! Его нет, нет его! Судите меня... При чем здесь Чарьев? Его вообще не было, когда это случилось!»

«Как же вы можете утверждать, что его не было, если не помните, как произошло убийство?»

Лицо Джафара дергается в мучительных конвульсиях. Он пробует что-то ответить, но Сайдамадова не дает ему сосредоточиться.

«Если бы Чарьев поссорился с Тимуром, вы бы оставили их вдвоем и ушли?»

«При чем здесь это?»

«Вы не ответили на мой вопрос».

«Конечно, не оставил бы».

«А Чарьев спокойно ушел, хотя между вами было нечто похожее на ссору?»

«Но... он пошел проводить Лиду...»

«Вы помните, как ушла Лида?»

«Ну, как вам сказать... наверное, помню».

«Почему — наверное? Она ушла первой? Она попрощалась с вами?»

«Прощалась? При чем здесь, попрощалась или нет! Зачем вы меня мучаете?»

«Что вы помнили, когда пришли в себя?»

«Ничего я не помню. Все. Судите меня! Я не хочу, я ничего не хочу вспоминать!»

16

Сайдамадова открыла дверь. Из комнаты Мурата доносилась громкая музыка. Она прошла к себе, вернулась, открыла дверь в комнату сына. Он не слышал ее, сидел перед проигрывателем, раскачиваясь из стороны в сторону в такт музыке.

— Мурат, сделай потише.

Только когда она несколько раз повторила это, он, наконец, обернулся, улыбнулся. Быстро убавил звук.

— Я не слышал, как ты пришла,— он поднялся и подошел к матери.— Хорошая музыка?

— Ты был в больнице у сестры? — глаза ее бессознательно отметили дорожную аппаратуру, которой раньше не было.

— Был. Доктор просил тебя зайти к нему.

— Хорошо, — кивнула Сайдаматова, повернулась, чтобы уйти, но вдруг резко обратилась к сыну: — Откуда у тебя это?

— Что? — Мурат посмотрел туда, куда смотрела она. Засмеялся.— Ты об аппаратуре?

Сайдаматова ждала.

— Папа подарил.

— Подарил? — удивилась она.— В честь чего он вдруг сделал такой подарок?

— Не знаю,— пожал плечами Мурат.— А разве обязательно нужно дарить в честь чего-то? Он мой отец, потому и дарит. Разве он не имеет на это права, мама?

Сайдаматова несколько секунд смотрела в глаза сыну.

— Имеет,— она устало вздохнула.— На все он имеет права, только вот...

— Что, мама?

— Ничего, сынок. Не поймешь ты все равно.

Она повернулась и ушла. Мурат подошел к проигрывателю, посмотрел на дверь.

— Не поймешь! Много тут надо понимать!..

Он снова включил проигрыватель на полную громкость.

Закутавшись в большой пуховый платок, Сайдаматова сидела на диване. Из-за плотно прикрытой двери едва слышно доносилась музыка.

Ах, Мурат, Мурат!

Что же происходит с ним и с ней? За последний год он как-то вдруг очень изменился, исчезла мягкая податливость в глазах. А может, повзрослел? Девятнадцать лет, а она по-прежнему обращается с ним так, как будто он маленький, и, кажется, сама не замечает, что ломает его, пытается подчинить.

«Кому-то надо уступать,— вспомнила она слова Усманжона, когда они только-только поженились.— И это, видимо, придется делать мне».

«Почему?» — искренне удивилась она.

«Потому что ты не из тех, кто уступает», — серьезно ответил он.

«Почему же ты женился на мне?» — засмеялась она.

«Потому что люблю, — сказал он грустно. — Ведь мы с тобой одно целое. Но это я, твой муж, а ведь тебя окружают люди, которых ты, не замечая, можешь когда-нибудь обидеть...»

«Ты мой муж, мой единственный, неповторимый!» — прижалась к нему она, не пытаясь ничего дальше выяснить. Прижалась и тут же забыла о разговоре.

Думала, что забыла. Оказывается — нет, даже время бессильно перед человеческой памятью. «Останешься одна...» Неужели он был прав, и ей суждено когда-нибудь остаться совсем одной? Даже дети, родные дети покинут ее?

Нет, жизнь не может так сурово поступить с ней. Не может.

И снова память перебросила ее через годы в прошлое, в тот день, когда она впервые увидела Усманжона. Открытое комсомольское собрание университета шло уже более двух часов, но никто этого не замечал. Секретарь комитета комсомола стучал по столу, призывая собравшихся к порядку. Напрасно — никто не обращал на него внимания. Каждый старался крикнуть что-то с места, доказать свое.

Секретарь склонился к одному из членов президиума, что-то сказал ему. Тот оглядел зал и кивнул.

— Кто это? — спросила Фатима подружку, которая здесь всех знала.

— Этот? — поймала та взгляд Фатимы, обращенный к президиуму. — Понравился?.. Валиев Усманжон, Учится на технологическом, за ним столько девчат убиваются, — она засмеялась. — Вот и ты попалась!

— Нужен он мне! — отозвалась Фатима, хотя почувствовала, как сильно забилося сердце.

— Слово предоставляется члену комитета комсомола университета Усманжону Валиеву, — объявил секретарь.

Стало тихо. Валиева знали хорошо, часто видели на городских и областных соревнованиях по боксу. Его уважали — и за силу, которой он никогда не кичился, и за мягкий характер.

— Вы слышали отца девушки, — заговорил Валиев. —

Посмотрите на него еще раз. Вот он, перед вами, ему стыдно поднять глаза и посмотреть в зал, где сидят по-други и друзья его дочери. Стыдно за нее, за ту, которой он дал жизнь, стыдно за себя. И я понимаю его. Он столько лет растил ее, привел в университет, надеялся, что придет день, когда она станет самостоятельной и сможет в какой-то мере отплатить за все хорошее своим родителям. Я спрашивал отца, она старшая в семье, первая в их роду, кто смог поступить в университет. Он болел вместе с ней, когда она сдавала экзамены, радовался удачам дочери, отрывал от себя кусок, чтобы она могла спокойно учиться, не думая ни о чем. Она была примером для своих сестреноч, которых после нее еще семеро.

— Ближе к делу!

— Чего ты тянешь?!

— Не мешайте человеку говорить,— зашикали на тех, кто торопил его своими выкриками. — Давай, Усманжон! Не обращай внимания!

— А теперь посмотрите на него,— он обернулся и ткнул пальцем на парня, который сидел слева от президнума, в углу сцены, на которой стояли столы.— Встань, Ачилов! Пусть на тебя посмотрят товарищи.

Парень встал, беспомощно шевеля губами, как будто собирался что-то сказать в свое оправдание, снова опустил голову.

— Он опозорил отца, его седины, разбил сердце старого человека!

— А что теперь будет с ней?! — раздался девичий голос из зала.

— Выгнать из университета, и дело с концом! — крикнул кто-то.

— Кого выгнать?!

— За что?!

— Ачилова выгнать! Чтобы думал в другой раз!

— И он не только опозорил семью девушки, ее опозорил,— говорил Валиев.— Он опозорил университет, всех преподавателей, которые учили его, комсомольскую организацию, в которой стоял на учете. Он нас всех опозорил.

— Что ты предлагаешь, Усманжон?

— Что я предлагаю?

Он оглядел зал, напряженные лица товарищей следили за ним.

— Будь моя воля, я бы...— он сжал пальцы в кулак.

В зале раздался смех.

— Плохо было бы Ачилову!

— Голову ему бы свернул, поступи он так с моей сестренкой! — выдохнул наконец Валиев.

— А что он сам на это скажет?!

— Да, пусть ответит, как докатился до этого!

— Скажи, Ачилов,— обратился к парню секретарь комитета комсомола,— как ты, комсомолец, без пяти минут преподаватель литературы, мог пойти на подобный поступок? Где ты научился такому?

Ачилов униженно молчал.

Валиев тем временем вернулся на свое место.

— Учитель! Чему он детей будет учить? — поднял голову отец девушки.— Воровать девушек?

— Как ты мог увести ее без разрешения родителей?— продолжал изумляться секретарь.— Неужели ты не понимал, что за это судить можно?

— Так ведь я ее люблю.

— Любишь — тогда женись,— не выдержал Валиев.

Секретарь поднял руку, призывая к вниманию, взял со стола листок с решением бюро комитета комсомола.

— Бюро комитета комсомола университета выносит на утверждение открытого комсомольского собрания следующее предложение: за недостойное поведение, за похищение Каримовой Мухаббат без разрешения родителей...

— Где это видано, чтобы спрашивать у родителей, можно украсть дочь или нет? — засмеялись в зале.

— За прогул занятий без уважительной причины, за нежелание объяснить свой недостойный комсомолец поступок Ачилова Раима, студента третьего курса филологического факультета, исключить из комсомола и поставить перед ректоратом вопрос об отчислении его из университета без права восстановления в будущем.

— Правильно!

— Слишком строго!

— Итак, ставлю на голосование. Кто за то, чтобы...

— Прошу слова,— вдруг крикнула Сайдаматова, перебивая секретаря.

— Кто хочет слова? — секретарь встретился с ней взглядом, оглянулся на президиум.— Может быть, хватит, товарищи? Который час сидим.

— Я хочу сказать,— упрямо возразила Фатима и пошла вперед.— Почему это хватит?

Она быстро взбежала на сцену, на ходу поправляя легкое ситцевое платье, остановилась, посмотрела в зал.

— Что здесь происходит, товарищи комсомольцы?!

— Представься сперва, — остановил ее секретарь. — Фамилия, имя. Какой факультет, курс.

— Сайдаматова моя фамилия, — прерывающимся голо-
сом сказала она. — Фатима. Я учусь на первом курсе. На
юридическом.

— Вот вам и адвокат! — улыбнулся секретарь, пыта-
ясь обратить все в шутку.

— Я не адвокат, — покраснела Фатима, но тут же по-
правилась: — А хотя бы и так. Пусть адвокат — ничего
в этом плохого нет.

— Говори, Фатима, выдай ему!

— Вы знаете... у нас в детском доме так не поступа-
ли. Как вы можете взять и так легко проголосовать за
исключение из университета, товарищи! Ведь они любят
друг друга.

— Это не постановка вопроса, — начал было секретарь,
но на него зашикали со всех сторон:

— Не мешай!

— Пусть говорит!

— У нас свобода слова!

— Пусть говорит, — попросил секретаря и Усманжон,
с любопытством рассматривая Сайдаматову.

— Это не постановка вопроса! — усмехнулась Фати-
ма, пристально смотря на секретаря. — А в чем тогда по-
становка вопроса? В том, чтобы побыстрее исключить из
университета человека, сломать ему жизнь, растоптать
самое прекрасное на земле — любовь? Это постановка
вопроса?

— Вот привязалась! — шепнул секретарь Усманжону.

— Хорошо говорит, — улыбнулся тот.

— Неужели же можно за любовь исключать? Нет, до-
рогой товарищ секретарь, не выйдет! Я сейчас видела
Мухаббат, она стоит здесь, за дверью. Плачет. Говорит:
он не воровал ее, она сама решила сбежать из дома,
потому что отец и слышать не захотел о ее любимом, у
него, оказывается, уже есть на примете жених, за кото-
рого он хочет ее выдать. Что ж им оставалось?

— Бежать! — крикнул кто-то.

— Вот они и бежали, — заключила Фатима. — Что ж,
теперь исключать за это? А Мухаббат говорит: если его
исключат, она все равно уйдет вместе с ним. И правиль-
но сделает, потому что любит его, потому что иначе это
будет предательство по отношению к нему.

— Правильно, не решился она сама на побег, никто
бы ее не смог заставить! — опять донеслось из зала.

— Так я должен был согласиться? — поднял голову отец девушки.— Отдать ее в жены неизвестно кому! Где тогда уважение к родителям?

— Вот, вы сами слышали,— показала Сайдаматова на аудиторию.— Правильно они сделали.

— Правильно!

— Молодец, Сайдаматова, — поднялся какой-то парень.— Мы на курсе тоже так думаем. И даже деньги им собрали, кто сколько мог.

— Тогда и нас надо исключать из университета,— раздался тонкий девичий голосок.

— Снимай вопрос, секретарь! — то тут, то там прозвучали несколько голосов. То же самое повторил и Валиев.

Сайдаматова услышала его голос, обернулась. Глаза их встретились. Усманжон кивнул ей, улыбнулся. Фатима почувствовала, как лицо ее запылало. Она быстро отвернулась.

— Их женить надо!

— Свадьбу комсомольскую!

Сайдаматова быстро сбежала со сцены, желая затеряться в толпе, но она вдруг расступилась. Фатиме хлопнули, будто она совершила что-то необычное...

17

— Неужели ты с ней поговорить не можешь как следует?

— Пробовал, Рахмат-ака,— ответил Валиев, угрюмо глядя на Пулатова.

— Значит, плохо пробовал.

— Не такой она человек, чтобы откликаться на мои просьбы,— вздохнул Усманжон, вспоминая выражение лица Сайдаматовой.

— И принесла же ее нечистая на нашу голову! — Пулатов задумался. Плохо, очень плохо было дело. Вообще последние годы дела его шли все хуже и хуже. Будто петлю какую-то невидимую накинули ему на горло и постепенно начали затягивать узел — все туже и туже. Что-то в мире происходило. Зашевелились деловые люди, забеспокоились. Статьи в газетах, слишком их много стало. Призывают прямо-таки сражаться с такими, как Пулатов. Да ведь на таких, как он, жизнь стоит!

Нет, что-то он все-таки упустил. Упустил или не понял.

— Придется тебе еще раз с ней поговорить.

— Рахмат-ака...— запротестовал было Валиев, но Пулатов не слушал его.

— Придется,— повторил он.— Объясни: неужели не хочется ей спокойной жизни?

— Не хочется,— покачал головой Усманжон.— Иначе я бы с ней не разошелся.

— Разошелся бы,— махнул рукой Пулатов.— С такой, как она, нельзя жить под одной крышей. Это правда.

— Сами же понимаете,— обрадовался Валиев,— а просите поговорить.

— Потому и прошу, что понимаю,— твердо сказал Пулатов.— Ты с сыном водишься?

— Конечно.

— Вот через него и попробовал бы, может быть... Как считаешь?

— Не хочу его вмешивать,— насупился Усманжон.

— Ну, как знаешь. А поговорить все же попробуй. Не хочется идти на крайние меры.

Усманжон вскинул вопросительно глаза, но промолчал.

А сам подумал, что и пробовать-то нечего. И как Пулатов этого не понимает! Заладил одно и то же: «Попробуй, делать что-то надо, если хочешь спать спокойно».

Как же, спишишь теперь спокойно!

Разве думал он тогда, когда пришел искать Фатиму на юридический факультет, когда задавал себе вопрос: почему он это делает, что заставляет его ходить по длинному узкому коридору, заглядывать в аудитории, встречать удивленные взгляды? — разве он мог тогда думать, что это какое-то проклятие, рок гонит его на свидание с девушкой, которая станет для него бичом, камнем преткновения на дороге жизни.

— Сайдаматова? Так она, кажется, в больнице.

— Что с ней? — ухнуло у него в груди. И чего он тогда испугался, непонятно. Мало ли почему человек оказывается в больнице, но он почувствовал, как тревожно забилось сердце.

— Что я, муж ей? Простыла вроде. Да что с ней случится — поправится в два счета.

— Учишься на одном курсе и не знаешь, что с товарищем,— в голосе Валиева звучало нескрываемое раздражение.

— Тоже воспитатель нашелся! Нужна мне больно эта...

Здоровенный детина с редкими зубами договорить не успел. Мощным ударом Валиев свалил его с ног. Ох и досталось же ему, члену комитета комсомола университета, тогда. Он и сам не мог объяснить, как вышло так, что не сдержался. Но, кажется, поняли, разобрались, и, ограничившись устным выговором, отпустили. Конечно же, Фатима быстро узнала о случившемся.

— Зачем вы это сделали? — спросила она с удивлением, увидев его у себя в палате.

— Не знаю,— признался он, отводя взгляд.

Черные густые волосы Фатимы разметались на белой подушке, огромные глаза смотрели на него испытующе, недоуменно, и в то же время было в них, где-то там, глубоко, нечто такое, что притягивает, обещает, заставляет совершить необдуманное, необъяснимое.

— Чисто у вас тут,— сказал он, чтобы как-то переменить тему разговора.

— В больнице и должно быть чисто.

— Не люблю я таких,— не выдержал он.— Ведь вы на одном курсе учитесь.

— А вы знаете все о своих однокурсниках?

— Не обо всех, конечно, но... кто в больницу попадает — знаю. Я же комсорг на своем курсе.

— А тот, кого вы ударили, не комсорг,— улыбнулась Фатима. И глаза ее неожиданно засветились каким-то лукавым огнем.— Наверное, если бы он сказал при мне так с ком-нибудь...

Валиев быстро глянул ей в глаза.

— И что же вы сделали бы?

— То же самое! — и она засмеялась, увидев, как он облегченно вздохнул.

18

— Однажды Тимур пришел с работы расстроенный, потерянный...— тихо говорила Газиева.

На ней было черное траурное платье. Из-под черной косынки выбивались редкие, источенные временем и седой волосы. Сайдаматова налила в пиалу холодный чай, поставила перед Газиевой.

— Не могу поверить, что Тимура нет,— глаза матери наполнились слезами.— Зачем мне теперь жить? Сначала муж, теперь вот...

Женщина заплакала, не стыдясь своих слез, которые медленно скатывались по морщинистому лицу.

— Вы не поинтересовались тогда, что с ним? Почему он расстроен, чем?

— Спросила, но он не захотел мне рассказывать. Только улыбнулся грустно. Он вообще последнее время ходил какой-то грустный. Чувствовала, с ним происходит что-то, чувствовала, а спросить не решалась. Привыкла я: он всегда сам все расскажет. Думала, как раньше, придет время, и признается.

— Но вы же догадывались, наверное,— неприятности на работе или другое?

— На работе! Будь проклята эта работа! — покачала она головой.— Догадывалась, конечно. Он изменился, когда у него появились деньги.

— Деньги?

— Я думала — зарплата, премиальные за перевыполнение плана. И он тоже сначала говорил так, но потом...

Она замолчала, задумалась.

— Потом? — прервала Сайдаматова затянувшуюся паузу.— Вы спросили, откуда у него деньги?

— Он ответил, что все это получает за работу. И лицо у него в ту минуту было злое, никогда раньше таким не видела... Мама, говорит, трать, пожалуйста, деньги и ничего не спрашивай. А потом эта недостача...

— У него была недостача?

— Две тысячи,— опустила голову Газиева.

— Он истратил государственные деньги? — Сайдаматова не сдержала своего удивления.

— В том-то и дело, что не брал он никаких денег из кассы, он клялся мне,— покачала головой Газиева.— Он сам не понимал, откуда эта недостача. Две тысячи, я даже не знала, где взять такие деньги.

— И что же сделал Тимур?

— Товарищи на работе помогли. Заплатили за него.

— Просто так взяли и помогли?

— Тимур обещал выплатить с зарплаты, с каждой зарплаты отдавать, но Адылжан отказался.

— Чарьев? — Сайдаматова задумалась.

— Никогда не прощу себе, ведь чувствовала, — корила себя в бессильном гневе женщина.— Не будет добра на этой работе...

— Вы думаете — между его работой и убийством есть связь?

— Они в тот вечер были вместе. Тимур говорил, что у него серьезный разговор с Адылжаном. Что он уйдет с работы после этого разговора.

Сайдаматова быстро перелистала дело Газиева, подняла голову.

— А что это был за разговор, вы не пытались узнать у Чарыева?

— Пыталась... Потом, когда он принес деньги на похороны, его зарплату и еще что-то.

— Он объяснил, какой был разговор?

— Нет.

— Нет?

— Он сказал, что не понимает меня. Тимур ничего не говорил ему о том, что хочет уйти с работы. И зачем, мол, ему уходить, когда с растратой улажено, он хорошо зарабатывал.

— А следовательно вы говорили об этом?

— Он сказал, что к убийству это не имеет никакого отношения...

— Ну, знаете, Фатима Кадыровна!..

Лицо Холматова покрылось красными пятнами.

— Я знаю, а вот вы, товарищ капитан, слишком поспоропились передать дело в суд. На мой взгляд.

— Вот именно, на ваш взгляд!

Сайдаматова оставила выпад незамеченным, перелистала дело, нашла нужную страницу.

— Вы оставили без внимания факт растраты, о котором говорила мать убитого. Почему?

— Мы вели расследование дела об убийстве, а не о хищении,— усмехнулся Холматов.

— Но проверить версию вы были обязаны!

— Какую версию?

Сайдаматова молчала. И Холматов не выдержал:

— Скажите, Фатима Кадыровна, откровенно: почему вы все же вернули дело? Ведь тут все ясно как дважды два, Алимов во всем признался.

— Признался? Или вы подвели его под это признание?

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза.

— Ну и характер у вас, Фатима Кадыровна. Не знаю даже...

— Вы послали повестку Пулатову?

— Послал. Но послушайте совета, зря вы ломаете копья: люди, которые стараются всегда быть правыми, чаще всего неправы.

— Вы все сказали?

— Это не я сказал...

— Извините, мне нужно работать,— не дала ему договорить Сайдаматова.

Холматов давно ушел, а она все сидела, откинувшись на спинку стула, и смотрела на дверь, за которой скрылась высокая спортивная фигура капитана.

Капитану не было и тридцати лет. Волевой, несмотря на молодость — опытный и талантливый следователь, как представил его Сайдаматовой полковник, видевший в капитане достойную смену. Действительно, Холматова прочили в преемники начальника следственного отдела, а это в перспективе полковничья должность, направление в академию. Действительно, способный следователь, думала Сайдаматова. Шутка ли дело — в двадцать шесть лет получить капитанские погоны, внеочередное звание, за блестяще проведенное дело. Посадил на скамью подсудимых большую группу расхитителей государственного имущества во главе с председателем крупного колхоза. Преступники получили свое, а Холматов — четвертую звездочку. И вот судьба столкнула его с ней, майором Сайдаматовой, а майор Сайдаматова нашла в его действиях явную оплошность и выговорила капитану, как мальчишке. Вряд ли ему это понравится. Ничего, таким, как Холматов, уязвленное самолюбие только на пользу: покипятится и сделают нужные выводы. Он же умный...

Судьба? Что такое судьба? И если она действительно так всемогуща, то что есть тогда человек — это высшее создание природы? Почему человек с годами, по мере взросления, перехода из одного возраста в другой, не становится сильнее,— наоборот, появляется в нем все большая незащитность, будто нет и не было у него прожитых лет, опыта перед жизнью? Он снова учится, учится, учится — иногда жестоко обжигаясь. И так до самого конца, и никто, как в детстве, не может прийти на помощь.

Пулатов неистово крутил диск телефонного аппарата. Номер то срывался, то был занят, то совсем не отвечал. Пулатов ругался про себя и снова, и снова набирал номера. Но Валиева нигде не было.

— Черт знает что такое! Где он бродит?

Пулатов несколько раз нервно прошелся по кабинету, закрыл на замок сейф и быстро вышел.

— Усманжона не видел?

Чарыев покачал головой.

— Нет.

Пулатов махнул рукой, вышел из магазина. На улице его догнал Чарьев.

— Рахмат-ака, посоветуйте, что делать.

— Ну? — Он открыл переднюю дверцу «Жигулей», сел за руль.

— Сайдаматова эта! Уже два раза вызывала.

Пулатов включил зажигание.

— Не знаю, в том-то и дело, что не знаю.

Мотор заурчал, но тут же заглох. Пулатов снова повернул ключ, снова ничего не получилось.

— Открой капот,— приказал он Чарьеву.

Тот метнулся вперед, открыл капот, начал трогать провода.

— Клемму проверь на аккумуляторе.

Машина завелась. Чарьев захлопнул капот, подошел к Пулатову.

— Меня тоже вызвали в милицию! Вот — еду,— Пулатов в сердцах сплюнул на землю.

— Вас, Рахмат-ака? А вы-то при чем? — испуганно произнес Чарьев.

— Не знаю. — Пулатов помолчал, глядя куда-то перед собой.— Наломал ты дров, дурак! — он сердито захлопнул дверцу.— Появится Валиев, скажи — пусть найдет меня. Понял?

— Вы разрешите? — Пулатов показал на графию с водой.

— Пожалуйста,— кивнула Сайдаматова.

Пулатов налил в стакан воды, с видимым удовольствием отпил несколько глотков.

— Нет ничего лучше простой воды. Особенно человек это понимает в пустыне,— сказал он, оставляя стакан.

— Мудро. А вы давно оттуда?

— Откуда? — не понял Пулатов.

— Из пустыни.

— Ну нельзя ж так буквально...

— Верно, нельзя,— согласилась Сайдаматова. — Так на чем мы остановились?

— На Газиеве,— с готовностью подсказал Пулатов.— Покойников не принято ругать, говорить о них плохо, но признаюсь вам честно, я быстро пожалел, что взял его на работу.

— Почему?.. Он плохо работал? Не справлялся с обязанностями?

— Отчего же? — пожал плечами Пулатов. — Работа наша не сказал бы, что очень легкая, но и не тяжелая. Дело свое выполнял. И нравилось оно ему: продавец, раб-стник торговли в наше время человек уважаемый.

— Что верно, то верно, — усмехнулась Сайдаматова.

— Я серьезно, а вы все ищите какой-то тайный смысл в моих словах, — огорчился Пулатов. — Вы же читаете газеты. Где сейчас самые большие конкурсы, в каких институтах?

Сайдаматова не ответила.

— Вот именно, в торговых и пищевых. А почему? Человек лучше жить стал. Запросы его возросли. Мебель импортная, ковры, хрусталь. Я не говорю о хорошей одежде и обуви, это само собой разумеется.

— Вернемся к Газиеву.

— Да, да! — согласился Пулатов. — Дурная привычка: начинаешь рассуждать о всяких проблемах и уходишь в такие дебри... Характер у Газиева был плохой, не мог ужиться он с товарищами по работе.

— Скажите, почему вы не уволили Газиева, когда он сделал растрату?

Пулатов изобразил на лице удивление.

— Какую растрату?

— Две тысячи, — напомнила Сайдаматова. — Которую вы потом покрыли. Не объясните, почему вы это сделали? У вас были основания, если вы только что выражали неудовольствие Газиевым. Если верить вашему признанию, Газиев — неуживчивый работник, и в то же время...

— Ах, вы вот о чем? — перебил ее Пулатов. — Ну, если быть точным, то не две тысячи, а... — Он задумался, наморщил лоб, потер виски. — Одна тысяча девятьсот семьдесят рублей. Удовлетворены?

— И вы его не уволили?

— Зачем? — удивленно воскликнул Пулатов. — Работа такая, с кем не случается? Тем более парень молодой, девушки красивые, одежда, ресторан...

— Он ходил по ресторанам?

— Не могу утверждать, но кто сейчас не ходит по ресторанам. Тем более, когда есть деньги и неистощимый запас молодости?

— Значит, вы покрыли недостачу из своих денег?

— Зачем же из своих? У нас коллектив, товарищество. Чарыев зашел ко мне, так, мол, и так, Рахмат-ака, у парня несчастье. Мы решили помочь, скинуться. Я, конечно, тоже помог. С зарплаты выделил...

Атмосфера накалялась. Вокруг купюр, горкой возвышающихся на старом, потертom, залитом чаем и вином ковре, на узких курпачах сидели игроки.

— Пошел пятьдесят,— кинул на середину две двадцатипятирублевки один из игроков.

— Пятьдесят.

— Тоже.

— Играйте сами. — вышел из игры Валиев, бросил карги в сторону, прислонился к холодной стене.

— Иду сто,— повесил ставку первый.

— Сто.

Валиев поднялся, хлопнул себя по бедру:

— Наруш, за мной.

Наруш, не сводивший настороженных глаз с хозяина, с готовностью вильнул хвостом и пошел за ним.

Вход в эту частную чайхану был разрешен только избранным. Людям с деньгами и положением в деловом мире. Валиева здесь знали хорошо. Не успел он выйти из угловой комнаты, где обычно собирались самые именитые гости и которую сегодня заняли заезжие игроки, к Усманжону подошел мужчина лет пятидесяти, поздоровался подобострастно.

— С утра ищут вас, Усманжон-ака! — он опасливо покосился на пса.

— В чем дело?

— Куры есть. Полупотрошенные.

— Сколько?

Валиев прикинул, сколько у него осталось мяса на складе, и тут же подумал, что неплохо было бы взять и кур.

— Заказчик вы,— заулыбался мужчина.— Сколько скажете, столько и будет. Тонна, две?

— Я не об этом,— поморщился Валиев. Махнул кому-то.

— Я вас слушаю, Усманжон-ака,— подскочил к нему чайханщик.

— Как там Палван?

— Выиграл,— засмеялся чайханщик.— В прошлое воскресенье двадцать тысяч взял.— Он посмотрел на Наруша оценивающим взглядом.— Хотите против Палвана поставить?

— Не знаю. А ты как?

— Я готов.— Глаза у чайханщика загорелись.— Хоти-

те, хоть сейчас. Палван у меня тут,— чайханщик кивнул на дальний угол двора, где на цепи сидел Палван, огромный черный пес. Лохматый и тяжелый, с ленивыми умными глазами, Палван был победителем всех схваток, на которые его выставлял хозяин.

— Так как же насчет кур? — нетерпеливо переминался с ноги на ногу мужчина, который все еще стоял возле Валиева.

— Тонну возьму.

— По рубль шестьдесят,— быстро предложил тот.

— Рубль двадцать.

— Усманжон-ака, обижаете!

— Я сказал,— отрезал Валиев.— Больше ни копейки не добавлю. Не хочешь — ищи другого покупателя.

— Рубль тридцать, шеф!

Валиев не ответил, пошел вперед. Чайханщик семенял рядом, расхваливая своего Палвана.

— Но ваш Наруш тоже хороший пес,— угодливо хихикнул он.— Еще заработаете на нем. Попробуем?

Палван лежал на земле, положив могучую голову на сильные передние лапы. Он дремал и, казалось, не замечал людей, которые остановились в нескольких шагах от будки.

— Так что, Усманжон-ака? Или бонтесь?

Чайханщик загорелся: он был уверен в своем Палване, в его опыте и силе. Риска никакого не было, а для Палвана маленькая драка была бы разминкой перед воскресными боями.

— Сколько ставишь?

— Немного! — обрадованно откликнулся чайханщик, боясь выдать себя дрожью в голосе.— Пять тысяч.

— Пять тысяч? — Валиев задумчиво посмотрел на Наруша, который не сводил напряженного взгляда с Палвана. Палван тоже открыл один глаз и следил за Нарушем. — Давай!

Валиев взял пса за ошейник. Чайханщик метнулся к Палвану, быстро отомкнул цепь.

— Палван, кто это?

Огромный пес выпрямился, ощутив, как цепкие пальцы хозяина натянули широкий ошейник. Зарычал, упираясь лапами в мягкую землю.

— Ну, Наруш.— Валиев, почувствовал, как напряжилось тело пса, слегка подтолкнул его: — Фас!

— Фас, Палван! — подтолкнул своего волкодава и чайханщик.

Оба одновременно спустили псов и отступили назад.

Схватка была короткой, но яростной. Псы столкнулись; кусая друг друга, поднялись на задние лапы; грохнулись на землю, рыча и раздирая один другому шкуры.

— Смотри, а ваш ничего, а?

Чайханщик подошел к Валиеву. Он не ожидал такого отпора своему любимцу. Валиев не ответил. Глаза его напряженно следили за схваткой. Конечно, на чудо он не надеялся, но проверить, как поведет себя Наруш с таким серьезным противником, как Палван, было необходимо. И Наруш себя показывал настоящим бойцом.

— Ничья? — вдруг предложил чайханщик, видя, что Наруш поймал Палвана за шкуру возле глаз. Было ясно, что теперь он уже не выпустит противника.

Валиев тоже понял это. Не ответил. Палван попытался освободиться, сбросить с себя Наруша, но тот вцепился в него мертвой хваткой, при каждом удобном моменте перехватывая зубами шкуру и неумолимо приближаясь к глазу.

Палван рычал, царапал Наруша когтями, но теперь было в его рычании что-то неуверенное. Не признание поражения, нет — до этого было еще далеко, к тому же Палван славился силой и опытностью. Были в его рычании нотки растерянности, растерянности и страха.

И Валиев это понял, засмеялся.

— Прижал Наруш твоего Палвана, братишка!

— Не прижал, — покачал головой чайханщик. — Просто поймал его, глаз может покалечить. Жалко.

— Адмирал Нельсон будет! — засмеялся кто-то из зрителей, окруживших место схватки.

— Ничья, Усманжон-ака? — взмолился чайханщик. — Сами видите, Палван сильнее.

— Нет, — покачал головой Валиев. — Кто сильнее — неизвестно.

— Тысячу рублей даю, — схватил Валиева за руку чайханщик. — Не хочу уродовать Палвана. Жалко.

Валиев улыбнулся, как бы раздумывая; махнул рукой:

— Полторы тысячи!

— Усманжон-ака! — вскричал чайханщик.

— Будешь торговаться — твой Палван действительно Нельсоном станет!

— Давайте! — мотнул головой чайханщик, кидаясь к собакам.

— Фу, Наруш!

— Палван!

— Наруш, фу! Отпусти его, ну!

Валнев с трудом разжал зубы пса, оттащил его назад. Через минуту к нему снова подошел поставщик кур.

— Ладно, Усманжон-ака, по рубль двадцать. Когда завезти?

20

Сайдаматова увидела, как дрожат ее пальцы, сжала их в кулак, потом вынула из сумки платочек, скомкала его в руке.

— Вы... вы не ошиблись?

Лицо ее стало белым, как слепок из алебастра.

— Очень хочется, чтобы было именно так.

Доктор постучал пальцем по столу, закрыл историю болезни, отодвинул в угол стола. Видно было, что говорить с Сайдаматовой для него сущая пытка. Он боялся встретиться с ее ищущим взглядом, боялся вопросов, бесполезных, укоряющих, требующих. Боялся, потому что был беспомощен перед заключением опытных врачей, и ему оставалось только отвечать дежурными фразами.

— Вначале мы думали: у девочки просто с легкими не в порядке. Но потом сделали анализ крови, нужно было бы пункцию, но... не знали, как вы на это посмотрите.

Он коротко взглянул на Сайдаматову и тут же отвел глаза.

— Продолжайте, что же вы замолчали.

— Нет у нас опыта в таком деле, — признался врач с каким-то облегчением.

У Сайдаматовой потемнело в глазах.

— Что с вами? — испугался доктор. Быстро налил в стакан воды, протянул ей. Потом встал, достал из аптечки таблетку. — Выпейте.

Сайдаматова вопросительно посмотрела на него.

— Это успокаивающее, — объяснил он. — Безвредное.

Сайдаматова выпила лекарство, вытерла платочком губы.

— Что же мне делать?

Она с надеждой посмотрела на врача.

— Лететь в Ташкент. Показать дочь хорошему специалисту.

— Да, да! Лететь в Ташкент! — восторженно воскликнула Сайдаматова. Встала, протянула руку доктору. — Спасибо вам.

— Не за что, — остановил ее доктор. Улыбнулся. — Куда вы спешите?

— Куда?.. — Она будто окаменела на доли секунды, растерянно развела руками. — Действительно, куда?

— Я тут навел справки, — доктор протянул ей сложенный листок, исписанный плохо различимым почерком. — Лучше всего вам попасть к профессору Власову.

— Я попаду.

— Не будьте так уверены, — покачал головой доктор. — Профессор Власов — это звезда в медицинском мире, к нему месяцами стоят на очереди.

— Месяцами? — Сайдаматова невидяще посмотрела на него, бессознательно взяла со стола стакан с водой, выпила. — Я попаду, давайте направление.

— Я уже говорил с Османовым, — кивнул врач, — нашим главврачом. Теперь все зависит от него. Вы встретитесь с ним, он неплохой человек. Хотите, я провожу вас к нему?

— Пожалуйста, если вам не трудно.

У кабинета главврача было довольно много народу. Сайдаматова нерешительно замедлила шаги, когда они подошли к дверям с табличкой «Главный врач Османов В. О.»

— Подождите меня минуточку, — сказал ей врач и открыл дверь к главному. Вскоре он вышел из кабинета, кивнул ей: — Вахабжан Османович ждет вас.

Сайдаматова молча поблагодарила его глазами, шагнула к двери.

— Все будет хорошо, — тихо сказал ей на прощание врач и быстро пошел по коридору.

В просторном кабинете было прохладно. Одна полуоткрытая дверь вела на веранду, там едва слышно шипел кондиционер, другая — в соседний кабинет. Там Османов обычно принимал больных.

Сайдаматова села на предложенный стул, несколько минут подождала, пока Османов кончит писать. В соседнем кабинете что-то упало на пол и загремело. Османов глянул на приоткрытую дверь, изобразил улыбку:

— Ветер, наверное.

Потом отложил ручку:

— Слушаю вас.

— Я насчет своей дочери, — сказала Сайдаматова, не двигаясь с места, вполголоса, одними губами. — Она лежит на обследовании в вашей больнице.

— Да, да! Знаю, — кивнул Османов. — О чем вы беспокоитесь?

— Доктор сказал: ее нужно везти в Ташкент, показать опытному врачу.

— Вы думаете, у нас нет опытных врачей?

— Но врач сказал.

— Мало ли что он вам сказал, — перебил ее Османов со сладкой улыбкой. — Молодой, неопытный.

Сайдаматова молча кусала губы.

— Фатима... Кадыровна? Так, кажется? Я не ошибся?

— Не ошиблись.

— Мне приходилось много слышать о вас.

— Это к делу не относится. Мне пужно направление к профессору Власову, и вы... поможете в этом, слышите, поможете? — с трудом разжала зубы Сайдаматова.

Османов посмотрел на нее растерянно, чувствуя, что не может взять разговор в свои руки. Он и не ожидал ничего другого, понял это, как только она вошла в кабинет. Понял и пожалел, что, не видя ее раньше, позвонил своему двоюродному брату Рахматжану. Поторопился его обрадовать, считал, что она у них в руках. Да, так и должно было быть: она мать, а все матери одинаковы, когда болеют их дети. Одинаковы! А эта вообще сильный человек.

Османов представил лицо Пулатова, который сейчас сидел в соседней комнате и прислушивался к каждому их слову. Презирает, наверное, его в душе. Но отступать уже поздно. Османов это понимал.

— Так вы поможете мне? — Сайдаматова напряглась.

— Конечно, помогу, — голос Османова прозвучал с мягкой укоризной. — Это мой долг.

— Когда я могу выехать с Флорой в Ташкент? — облегченно вздохнула Сайдаматова.

— Когда захотите, — поднялся и Османов, кинув пастороженный взгляд на дверь, за которой затаился Пулатов. — Вот только получим окончательные результаты анализов, посоветуемся, соберем консилиум.

Сайдаматова молча пошла к двери. Османов проводил ее, развел руками.

— Поймите и нас, Фатима Кадыровна, — говорил он, пожимая на прощание руку и долго не выпуская ее. — Вас никакой профессор без соответствующих бумаг и слушать не станет.

— Я понимаю. До свидания.

— Всего вам хорошего...

— Ушла? — Пулатов встретил своего родственника, развалиясь на стуле.

— Э-э! — махнул рукой Османов. Подошел к шкафу. — Выпить хочешь?

— Нет.

Пулатов подождал, пока брат нальет себе стопку спирта и выпьет.

— Серьезная женщина, — заключил Османов, пряча колбу обратно в шкаф.

— Дурак ты, — вздохнул Пулатов. — Понял ты это теперь? А то звонит: она у него в руках, сделает все, что нам надо...

— Но я же не знал, брат, — виновато оправдывался Османов.

— Правду говорят: нет дураков хуже, чем те, которые имеют диплом о высшем образовании. Ладно, налей и мне.

Пулатов встретил Усманжона во дворе. Он следил за парнем, который обрывал листья у винограда.

— Входи, входи, Усманжон, — радушно приветствовал он Валневу. — Совсем пропал куда-то. Я уже и беспокоиться стал.

Они поздоровались, поднялись на супу.

— Пусть беды обходят нас и наши дома!

Оба традиционно провели ладонями по лицам, точно сметая пыль.

— Почему не появлялся?

— Дел было много, замотался совсем, — начал оправдываться Валиев, но Пулатов успокоил его:

— Ладно, все понимаю.

Он кликнул жену, которая вскоре появилась, неся на подносе фрукты и коньяк.

— Что-нибудь надо сделать, — остановил ее Пулатов, когда она повернулась, чтобы уйти. — Гость в доме.

— Неужели надо напоминать об этом, Рахмат-ака! — в голосе жены прозвучал упрек.

Пулатов засмеялся, отпустил ее, повернулся к Валиеву:

— Умная женщина в доме — это богатство, — сказал он, разливая в пиалы коньяк. — А если эта женщина твоя жена...

— Ты богат вдвойне, — закончил за него Валиев.

— Жениться тебе надо, Усманжон, — сказал Пулатов, когда они выпили и закусили. — Сколько можно жить одному!

— Боюсь, — ответил полусерьезно-полушутливо Усманжон. — Вдруг опять попадетс я умная жена и я стану богатым человеком вдвойне!

Они помолчали, думая каждый о своем. Наконец Пулатов не выдержал.

— Был недавно у брата, — сказал он, становясь серьезным, — Вахабжана.

Валиев кивнул: -

— Давно его не видел, как он там?

— Хорошо. У него была Фатима.

— Фатима? — удивился Валиев. — А что ей нужно было?

— Дочь твоя болеет, а ты и не знаешь, — покачал головой Пулатов. — Нехорошо, Усманжон. Ты ведь отец!

— Не знаю, — виновато согласился Валиев. — Что-нибудь серьезное? — он припомнил, когда последний раз видел Фатиму. Удивился, что не заметил тогда ничего настояжывающего.

— Болезнь — такая вещь: сегодня здоров, завтра — операция, через неделю нет человека.

— Рахмат-ака!

— Да не волнуйся ты, — успокоил его Пулатов. — Для серьезной тревоги пока нет оснований, но...

Он выждал некоторое время.

— Я слушаю вас, Рахмат-ака! — выдал из себя Валиев.

— Ты говорил с женой, как я тебя просил?

— Да не жена она мне! — с горечью вырвалось у Валиева. — Сколько лет она уже не жена, а вы все...

— Дети — твои, — жестко отрезал Пулатов.

Валиев непонимающе посмотрел на него.

— Да, да, — кивнул Пулатов. — Она мать твоих детей. И сейчас дело об убийстве ведет она. Принес ее черт на нашу голову. В суд направили — она, следовательно — снова она.

— Может, ничего страшного пока нет?

— Когда дойдет до страшного, будет поздно, дорогой Усманжон! — выкрикнул Пулатов. Но тут же взял себя в руки. — Короче, придется тебе надавить на нее. Вахабжан даст направление твоей дочери... да, да, именно так!

— Я понимаю, — сдавленно произнес Валиев.

— А понимаешь, еще лучше, — сказал Пулатов, снова налил в пиалы коньяк, поставил одну перед Усманжоном, вторую выпил сам. Закусил черешней. — Нет другого выхода. Нету — и все! И чего она добивается, чего ей надо от Адылжана!

Валиев сидел перед ним с опущенной головой и молчал. Да и что он мог сказать Пулатову? Понимал, что тот беспокоится не столько за Адылжана, сколько за себя. Чарыев был в курсе всех дел, которые совершались в магазине Пу-

латова, и, конечно же, если что-то откроется, может выдать и своего шефа.

— Дело, конечно, прошлое, исправить ничего нельзя, — заговорил он глухо, не поднимая глаз на Пулатова, — но неужели нужно было обязательно убивать? Неужели нельзя было заставить его молчать как-то иначе?

— Иначе! Иначе! Да не думал Адылжан убивать его, — с раздражением сказал Пулатов. — Сам полез на нож, да и поздно об этом. Теперь нужно его спасти, пока не натворил глупостей. Парень сон потерял, ни есть, ни спать спокойно не может. Как мертвец ходит, ты видел его?

— Видел, — махнул рукой Валиев. — Но Флора не только ее дочь. Как я скажу Фатиме...

— Именно потому и скажешь!

21

— Какой мог быть разговор, Фатимахон! — искренне удивился полковник, провожая Сайдаматову до дверей кабинета. — Билет вас ждет в аэропорту.

— Спасибо вам, товарищ полковник...

На улице она неожиданно увидела Усманжона. Еще более удивилась, когда встретилась с глазами дочери.

— Флора, ты что тут делаешь? — не сдержалась она. — Я же сказала, что заеду за тобой.

— Она не виновата, Фатима! — Валиев открыл перед ней дверцу, пригласил в машину. — Флора и моя дочь, не забывай об этом.

Сайдаматова села в машину.

— Домой?

— Нужно взять вещи, предупредить Мурата, — сказала Фатима Кадыровна.

Но дома Мурата не было, как и чемодана, который собрала Сайдаматова. На столе она нашла записку, в которой Мурат сообщал, что чемодан у него и он будет ждать мать и сестру в аэропорту.

— Узнаю сына, — засмеялся Валиев, когда вел машину в аэропорт. — Мой характер.

Сайдаматова ничего не ответила на это, хотя с болью в душе давно отмечала в сыне знакомые черты Усманжона.

Валиев поставил машину. До регистрации билетов было около часа. Предложил подкрепиться перед дорогой.

— Флора, хочешь есть?

— Хочу.

Сайдаматовой пришлось подчиниться. Они сели за свободный столик. Валиев сделал кому-то знак, и им тут же принесли шашлык, чай.

— Самса есть? — спросил он парня, который принес шашлык.

— Фирменная кончилась, — сообщил тот виновато. — Мы же не знали, Усманжон-ака, что вы сегодня появитесь.

— Ладно, иди, — отпустил его Валиев.

— Фирменная самса? — Флора дождалась, когда парень ушел, и обратилась к отцу. — Что это, папа?

Валиев пожал плечами.

— Как тебе сказать...

— Самса по особому заказу, — пояснил с улыбкой Мурат. — Свежее мясо, курдючное сало, специи. Так, папа?

— Так, — улыбнулся Валиев.

Сайдамадова ошеломленно посмотрела на сына, потом на Валиева.

«Что это?» — подумала она. Так вот что означают частые отлучки сына. «Мой характер!» — прозвучал насмешливый голос в глубине сознания. Она все еще смотрела на Усманжона и, казалось, уловила скользнувшую по его губам усмешку. Вздрыгнула внутренне, напряглась. Но нет — почудилось. Валиев не смотрел на нее, вел оживленную беседу с сыном.

— Возьми, — он вдруг прервал разговор и положил перед Сайдаматовой небольшой пакет. — Тут деньги, — объяснил он, отвечая на вопросительный взгляд Фатимы. — Большой город, у тебя могут быть расходы.

— Спасибо, не надо, — отказалась Сайдамадова. Отказалась слишком резко, тем самым выдав, что как раз перед этим раздумывала о деньгах, о расходах, которые будут в Ташкенте, а того, что она сумела попросить в бухгалтерии, могло не хватить. И сейчас, когда Усманжон вдруг предложил деньги...

Усманжон! Она до сих пор зовет его по имени — Усманжон. Как когда-то...

В памяти всплыла далекая сцена, когда она, обманув подруг, с которыми договорилась ехать в гости к одной из однокурсниц на хашар, бежала на автовокзал. Там ее ждал Усманжон. Как всегда, подтянутый, спортивный, в яркой, обтягивающей широкую грудь красной рубашке, он ходил между автобусами, выискивая ее среди томящихся на платформе пассажиров.

— Усманжон, вот и я!

— Ну, наконец-то!

Он резко обернулся на ее голос, замер на несколько секунд, любуясь ею. На ней было нарядное шелковое платье, которое обтягивало легкую фигурку. Солнце только-только показалось над верхушками тополей, которые опоясывали маленький автовокзал. Теплый луч пробился сквозь золотистую листву и замер на ее лице. Она отклонилась от него, но луч тут же снова нашел ее.

Усманжон засмеялся, она тоже.

— Я думал, ты уже не придешь, — сказал он, когда они ехали в горы в стареньком автобусе, который тархтел захлебывающимся мотором на подъемах, дребезжал и скрипел облезшими сиденьями и, казалось, не разваливается на ходу, только сдерживаемый каким-то чудом.

— Больше часа бродил по площади, — ласково укорял ее Усманжон.

— Я сказала, значит, приду.

— Уже уходить решил. Еще бы немного...

— А я бы не ушла, — сказала она, подумав. — Если бы мы договорились, ждала бы тебя.

— Ждала бы? — В его голосе звучало недоверие.

Она улыбнулась.

— Ждала бы.

— А если бы я вдруг опоздал сильно?

Она, не отвечая, смотрела ему в глаза.

— Вдруг случилось бы что-то и я не пришел, до вечера ждала бы?

— Ждала бы, — просто ответила она.

— Ты даешь! — восхищенно вырвалось у него.

Стремительно набзгал навстречу машине черный, расплавленный солнцем асфальт дороги, мелькали одинокие глинобитные домики, плантации виноградников с треногами деревянных вышек по бокам, яблоневые сады колхоза.

— Ты слышал, у Мухаббат дочка родилась?

— Какая это Мухаббат, не помню?

— Та, которую ты чернил на собрании, — засмеялась она. — Помнишь, когда я впервые увидела тебя? Какой ты был тогда важный, принципиальный!

— Никого я не чернил, — недовольно буркнул он. — Это которую украли?

— Не украли, а они вместе решили убежать, чтобы проучить родителей, — поправила его Фатима.

— Не знаю, кто кого хотел проучить, — сказал Усманжон, — но не верю я в такую семью.

— Почему?

— Без корней она, — подумав, ответил он.

— Не понимаю, объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду, — попросила она с улыбкой.

— А то, что нет у нее фундамента, — заговорил он. — Молодую семью держать нужно. Не знаю, как тебе объяснить, но, по-моему, такая семья всегда как бы под прищипом должна быть. Вспомни его: двух слов связать не мог, не то что защищаться. Не будь тогда тебя, исключили бы его и покатылся он вниз. И правильно было бы, должен быть отбор.

— Выживает сильнейший? — в голосе Фатимы звучала ирония.

— Умнейший, — поправил ничего не заметивший Усманжон. — Нельзя идти наперекор обычаям. Неправильно это. И думаю, не будет счастья этой паре. Разойдутся они.

Прав оказался Усманжон: семья распалась. Прожили они всего год. Муж окончил университет и уехал в свой район, а Мухаббат перешла на заочное отделение: с ребенком какая учеба на дневном. Возвратиться домой она не могла, отец проклял ее и написал, чтобы ноги дочери не было в доме до самой его смерти.

— Ну, кто был прав?! — торжествующе заключил Усманжон, когда узнал об этом.

Она тогда хотела возразить, сказать, что до разрыва вряд ли бы дошло, если бы родители поняли, наконец, молодых, поддержали бы... Что и она сама на собрании, может быть, была слишком прямолинейна, не сумела сблизить отца и дочь... Но, встретившись глазами с откровенно насмешливым взглядом мужа, промолчала. А про себя с огорчением признала, что он был прав, как приходилось ей признавать это и потом, не один раз ошибаясь в оценке людей, суть которых, в отличие от нее, Усманжон определял почти мгновенно.

Чутье его было безошибочным. Она ошибалась раз за разом, но все равно не могла истребить в себе какую-то глубинную веру в человека, а Усманжон не ошибался никогда. И она удивлялась: почему он не верит людям, ведь его никто не обманывал? «Потому и не обманывал, что не верю!» — откровенно говорил он. И снова был прав этой неоспоримой правотой.

Неоспоримой, но холодной, нечеловеческой. Она чувствовала, понимала душой и сердцем, что с такой правотой жить трудно. Она может привести куда угодно, только не к людям.

Тогда эти расхождения во взглядах казались ей не такими уж существенными, тем более — опасными для их

любви. Она верила, что Усманжон ее понимает и сможет как-то приспособиться к ее характеру, как приспособлялась к характеру мужа в первые годы их совместной жизни она. Но размолвки между ними случались все чаще, и все чаще в пылу этих споров он, раздражаясь, задавал ей один и тот же вопрос: «А почему я должен приспособляться к тебе? Почему я должен менять себя? Ведь ты... ты женщина!»

22

Сайдаматова с силой отодвинула секретаршу в белом халате, которая стояла у нее на дороге, и резко открыла дверь.

— Женщина, что вы себе позволяете, — повысила было голос секретарша, но Сайдаматова была уже в кабинете профессора.

— Что, что такое? — раздраженно обернулся на шум седоволосый мужчина.

— Разрешите, профессор!..

Профессор Виктор Антонович Власов, потомственный врач, слыл человеком резким и неуживчивым. Те, кто знал его и его семью, говорили, что характером он в отца, прекрасного специалиста-травматолога. Власов-старший так всю жизнь и не мог примириться с беспорядком, царившим в отделении. Его приводили в ярость ведра и тряпки, которые оставляли уборщицы в коридорах, неглаженные и несвежие халаты врачей и сестер. Он бушевал, кричал, неоднократно грозил написать заявление об увольнении, если немедленно не будут приняты какие-то меры. Однако отделением руководил не он, а добродушный старичок-профессор, тоже светило в медицинском мире, но человек слабохарактерный. Поэтому шли дни, и все оставалось по-старому.

Но Власов-младший оказался крепче и настойчивее отца. Через очень короткое время отделение урологии, в котором он стал заведующим, прославилось на всю республику. Здесь все блестело и сверкало чистотой. Конечно же, Виктор Антонович не терпел никакого беспорядка и пререканий. И то, что сейчас в его кабинет кто-то вошел без предварительного согласования, крайне раздражило его.

— Вот, Виктор Антонович! — испуганно выглянула из-за спины Сайдаматовой секретарша. — Я говорила гражданке, что вы заняты, но она...

— Я вас слушаю!

Глаза профессора замерли на Сайдаматовой. За спиной тихо закрылась дверь.

— Я к вам на прием, простите меня,— смущенно выдавила из себя Сайдаматова, чувствуя, что растеряла все доводы, которые приготовила в уме, когда решила проваться на прием.

— Вы записались в регистратуре?

— У меня дочь! — она вдруг почувствовала себя беспомощной. Этот человек не поймет ее, да и что могут понять вообще такие холодные, безжизненные глаза...

— Вы записались на прием? — подчеркнуто бесстрастно повторил свой вопрос профессор.

— Мне сказали: нужно ждать две недели, а я не могу.

— А они могут?! — Власов встал, быстро подошел к двери, распахнул ее и показал на людей, которые сидели в приемной и ждали.

— Они могут ждать? — голос его звучал повелительно. — А вы нет?

— Я приехала из Паркента.

— Прекрасно,— сказал он, выпроваживая ее из кабинета. — Запишитесь и приходите на прием. Все.

Дверь закрылась. Сайдаматова опустила глаза, щеки ее пылали. Она боялась встретиться с глазами тех, кто смотрел на нее — одни с сожалением, другие с тайным злорадством: мол, хотела без очереди, а вот ведь не получилось.

— Я же говорила вам,— смягчилась секретарша. — Виктор Антонович не принимает без записи.

Сайдаматова взяла за руку Флору, которая безропотно подчинилась, понимая состояние матери. Они пошли по коридору к выходу.

— Мы поедem домой, мама?

— Домой?

Сайдаматова резко повернула.

— Мы никуда не поедem! Будем ждать,— и повторила тихо: — Ждать!

Профессор сидел за столом и писал, заполняя карточку больного своим торопливо-неряшливым почерком. Время от времени он бросал быстрые взгляды на Флору, которая лежала на кушетке, спрашивал ее о чем-то постороннем, кивал, когда она отвечала, и снова писал.

Флора лежала неподвижно, не зная, что ей делать — оставаться на месте или встать, одеться.

— Отдохнула?—взглянул на нее профессор и улыбнулся, отчего строгое лицо его изменилось до неузнаваемости — стало мягким, приветливым. — Можешь одеться, — разрешил профессор.

Флора опустила на пол ножки и начала быстро надевать платье. Она так торопилась, что долго не могла попасть в рукава, они все время куда-то терялись.

Власов с улыбкой наблюдал за ней, не торопил и не успокаивал. Когда же девочка оделась, он встал, подошел к ней, взял за плечи.

— Ты подожди немного там, — он показал глазами на дверь. — Нам с мамой нужно поговорить. Ладно?

Флора перевела взгляд на мать. Сайдаматова ободряюще ей кивнула.

— Хорошо.

— Что я могу сказать вам? — сказал Власов, когда Флора вышла из кабинета и он вернулся на свое место. — Девочку нужно оставить здесь.

— Но...

— Оставить в больнице, — резко повторил Власов, снова превращаясь в того человека, который встретил ее утром.

...Сайдаматова весь день просидела в приемной. Она не ушла даже тогда, когда Власов покинул кабинет и, не глядя на нее, прошел мимо своим неторопливым, но уверенным шагом. И потом, когда секретарша говорила ей, показывая на часы, что профессор вряд ли вернется, что у него занятия со студентами, аспирантами и вообще прием закончен и ждать ей бесполезно.

Не ушла даже для того, чтобы поесть. Для Флоры в сумке были пирожки, которые она взяла в аэропорту, а сама она была готова потерпеть. Сайдаматова не ушла и тогда, когда в приемную пришла уборщица и, ворча на бестолковых и непонятливых посетителей, стала водить чуть ли не по ногам ожидавших тяжелой шваброй. Часы показывали начало седьмого, а она все сидела, прижимая к себе задремавшую дочь, и не проронила ни слова, когда вдруг двери распахнулись и в приемной появился Власов.

Они несколько секунд смотрели в глаза друг другу, потом он открыл дверь в кабинет.

— Прошу...

И потом, когда все было решено и он принял Флору, и когда ее увезли с собой дежурные сестры, он сказал, что

не любит никого принимать по звонкам, что все люди одинаковы и он не намерен делать исключения даже для знакомых из министерства. Ей пришлось доказывать, что у нее нет знакомых в министерстве, что ни о каких звонках она не знает, потому что никого ни о чем не просила. И он неожиданно поверил ей, и снова лицо его стало неузнаваемо добрым, как тогда, когда он разговаривал с Флорой.

Все это вспоминалось Сайдаматовой, когда она возвращалась в самолете домой, и еще вспомнился день, когда она выписалась из роддома с крохотной Флорой на руках. Усманжон носился по коридорам, одаривая подарками встречаемых сестер и врачей. Он очень хотел дочь, и радости его не было конца.

— Дочь! Дочь у меня! — повторял он, суетясь вокруг Фатимы и боясь прикоснуться к малышке, сделать что-то не так.

А на улице ее ждал сюрприз. Около десяти машин загрозили проезжую часть перед воротами. Водители других машин, которые не могли подъехать, ругались, требуя освободить дорогу. Но на них никто не обращал внимания. От самого крыльца до передних, разукрашенных воздушными шарами и разноцветными лентами «Жигулей» была выложена дорожка из цветов. Заиграли музыканты, встречая Сайдаматову песней и музыкой.

Праздник! Она стыдливо прятала лицо в запеленатую дочь. Все было пышно, чересчур пышно, чтобы радоваться вместе с Усманжоном. Но и обидеть его она не могла...

23

— Джафар, пахать подано! — позвал Алимова Водяной. — Набей желудок, легче будет думаться.

Джафар прошел в их угол, подождал, пока Рашид разделит хлеб на равные доли, взял свой кусок.

— Садись, — Рашид указал глазами на свободное место на кровати.

— Не хочу.

Джафар взял кружку, налил себе чай из бачка.

Есть действительно не хотелось, хлеб показался ему пресным, смешанным с золой, похрустывал на зубах, но Джафар думал о другом. Снова и снова вспоминалось ему то роковое утро, когда он пришел в себя и увидел на полу окровавленное тело Тимура. И нож, на котором запеклась кровь.

Как же это случилось? Как могло случиться? И почему, почему он ничего не помнит?

А потом милиция, допросы, протоколы, которые он подписывал, подписывал, не читая, что там написали, что писал он сам. Все было безразлично, представься возможность бежать — он бы и шагу не сделал.

Кто-то телеграммой вызвал мать. Она приехала автобусом к вечеру, но он ее увидел только через день. Когда его привезли на допрос.

— Как же это случилось, сынок?

Она не упрекала, только слезы катились по ее лицу.

«Как это случилось?..» Разве мог он объяснить ей, что сам не может ответить на этот вопрос? Лида, Адылжан — они были рядом в тот вечер, почему же они оставили его с Тимуром? И почему ему так неприятен этот Адылжан, его лицемерная мина, вечная готовность услужить?

Вокруг Чарыева всегда были ребята, девчонки, он казался душой любой компании. Дом Адылжана был открыт для всех, правда, с исключением. Неудобных он выпроваживал очень легко: без всяких объяснений закрывал перед носом двери — и все. Или поднимал на смех, выставлял дураком. Джафару не один раз пришлось испытать на себе яд насмешек Чарыева. А почему он не взрывался, почему терпел — на это он сейчас даже ответить не мог. Нет, мог, но не хотел, стыдился за прежнее свое малодушие. Только бесполезно было хитрить: от себя не спрячешься.

— Держись, парень! — говорили в камере. — Это только начало. Цветочки! Ягодки будут впереди, когда получишь срок, отсидишь положенное! Когда пройдешь такую школу, что шороха будешь бояться. Выйдешь на волю, а тебе все будет казаться, что милиция только на тебя смотрит, только за тобой и следит. Вот тогда-то... А пока терпи!

И он терпел, вернее — не терпел, а как бы заснул в ожидании. Не жил, а спал, вставал по утрам, шел умываться, впихивал в себя завтрак, обед, ужин, отвечал на вопросы, говорил что-то сам, и все в каком-то полузабытии. И неизвестно сколько он выдержит в таком состоянии. Хотя человек — существо ранимое, тело его живет вопреки душе. Душа умирает, а тело сопротивляется, не хочет умирать. А зачем, к чему? — думал Джафар.

— Ребята, можно курить поменьше? — попросил между кашлем кассир-астматик. — По очереди курите, если нельзя иначе. Дышать ведь нельзя!

— Это тебе не курорт, папаша! — хохотнул Рябов. Стукнул костяшкой. — Отошел дуплем.

— Не от хорошей жизни махорку курим, отец, — сказал Водяной. Кивнул играющим. — Проехал.

— Лезь на мою койку, — показал на место у зарешеченного окошка Рашид. — Там полегче будет.

Кассир обрадованно полез наверх, начал шумно дышать, подставляя лицо освежающему потоку. И потом молча лежал на спине и кашлял, долго, с надрывом, будто стараясь выкашлять из груди то, что мучило его, не давало спокойно дышать.

— Зря ты его на свою постель пускаешь, — заметил вполголоса Рябов, выразительно глядя на Рашида.

— Если суждено заболеть, — засмеялся Водяной, — от одного воздуха, которым ты дышишь, заболеешь.

Громко щелкнул замок в двери. Все замерли, повернули головы.

— Играете, гаврики!

Контролер оглядел камеру, увидел лежащего кассира, но промолчал, потом остановил взгляд на Рашиде.

— Давай, Тугушев. Твоя очередь!

Рашид медленно положил костяшки, встал:

— Доиграете без меня. — Посмотрел на дежурного. — Так, старшой?

— С вещами! — вертел тот ключом. — Сюда больше не вернешься.

Рашид скрутил матрац, поднял на прощание руку.

— До встречи, братки!

Дверь закрылась, а Джафар все сидел в каком-то забытьи, не в силах отвести глаз от кованой двери.

— Кто за Рашида доиграет?

Желающего не нашлось. Рябов смешал костяшки, начал уныло размешивать их.

— Расскажи что-нибудь, — попросил Водяного кто-то.

— Расскажи, Водяной, — поддержали его и остальные.

— Что же вам такое рассказать?

Водяной задумался, начал складывать костяшки домино в пирамиду, вздохнул, вспоминая что-то свое.

— Хороший парень Рашид, — сказал он задумчиво, — а непутевый.

— Почему же непутевый? — хихикнул Рябов.

— Иди к нам, Джафар, — позвал Водяной, даже не глянув на Рябова. — Сковырнешься так, парень.

И, не дождавшись ответа, начал очередной рассказ:

— Был у меня дружок, точно на Рашида похож. Такой же здоровый, девушек страх как любил,

— А они его? — пошутил кто-то.

— Они не меньше! — не смутился Водяной. — Раз решил он со своей знакомой в гараже посидеть, по душам побеседовать. Гараж утепленный, все как надо. Ну, выпили, что было, — мало показалось, и решил он в гастроном сгонять. Закрывл ее в гараже, чтобы случайно кто не сунулся, пошел в гастроном, и надо же — его велосипед сшиб.

— Велосипед? — недоверчиво переспросил Рябов.

— Я тебе говорю, — подтвердил Водяной. — И надо же, ногу мой дружок сломал. Его сразу в больницу, гипс наложили, а он все требует, чтобы срочно жене позвонили, сообщили о несчастье. Пришла она через несколько часов — он умоляет, чтобы она, значит, мне позвонила и позвала в больницу: мол, срочное у него ко мне дело. Жена, понятно, утешает: не беспокойся мол, все сделаю. Прихожу домой, а мне моя Надька выдает. Так, мол, и так, звонила жена твоего друга, в больнице он, ногу сломал. Просит, чтобы ты к нему побыстрее пришел. Хорошо. На следующий день после работы иду к нему, а он на меня чуть ли не с кулаками: «Где пропадаешь?! Два дня тебя жду!» «Все в порядке, — говорю. — Пришел ведь, что нервничать». Он мне ключи дает, чтобы я немедленно дул в гараж: там, мол, его знакомая осталась. Пришел я туда, открываю дверь и... все, ничего больше не помню. В больнице очутился. С сотрясением второй степени. Потом выяснилось, что меня молотком по голове она со злости долбанула. Любовничку отомстила! Хорошо еще, жив остался.

Дружный хохот потряс камеру.

— Поэтому у тебя такая вмятина в голове?! — хихикал Рябов.

— Вот именно, вмятина, — сказал Водяной с усмешкой. — Не то что твой черепок — круглый, аж тоска берет.

Снова хохот, еще сильнее.

— Попал я в больницу, — продолжал свой рассказ Водяной. — И обидно стало! Я же ее, стерву, даже в глаза не видел. Только открыл замок и ворота, как она мне по голове молотком. Ну, а дружок ждал меня, ждал, да все без толку. Тогда, это я потом уже узнал, не выдержал и жене своей говорит, чтобы она пошла в гараж. Мол, посмотри, все ли там в порядке. Она пришла туда — и в обморок!

Он замолчал. Начал выстраивать из домино звезду, словно бы забыв о рассказе.

— Не томи, друг, что же дальше было? — раздался голос с хрипотной.

— А, астматик, — засмеялся Водяной. — И тебя проняло! Ладно, слушайте... Что же она там увидела? Маши-

ну? — кучу металлолома. Эта стерва всю ночь ходила по гаражу и молотком по машине, по машине! То, что от нее осталось, ни одна мастерская не согласилась взять! Даже мотор искромсала от злости!

И снова хохот. Смеялись все, представляя себе эту картину, лица хозяина, женщины, которая два дня провела в холодном гараже, жены хозяина. Смеялись все, кроме Джафара. Даже на это у него не было сил, не видел он в истории ничего смешного...

24

Сайдаматова полулежала на диване с закрытыми глазами. Она любила это положение: и спишь, и не спишь. Тело отдыхает, глаза тоже, а мозг работает. Она могла лежать так и час, и два, и три. Вспоминала день, который остался за дверьми дома, дела, которые сделала и не успела сделать.

«О покойниках плохо не говорят...» — вспомнила она слова Пулатова. Не говорят, но в нескольких фразах он успел дать понять, что Газиев был неугоден. Неугоден? Но почему же все-таки они взяли его под защиту, заплатили за него недостачу?

Сайдаматова снова начала прокручивать в голове все сначала: показания Алимова, Корочкиной, Чарыева...

«Ах, Фатимахон, Фатимахон! — слышит она голос Пулатова. Глаза его маленькими буравчиками сверлят ее. — Не любите вы нас, а за что? Ведь без сферы обслуживания не может обойтись ни одно государство на свете. Но я могу понять вас: среди нашей братии есть и такие, по ком тюрьма скучает. Но и то, если смотреть только вашими глазами. А вы посмотрите на него и с другой стороны. Вы сколько получаете? Рублей двести пятьдесят, а наш брат живет на сто, ну от силы на сто пятьдесят рублей в месяц. Ну что вы купите на эти деньги? А вокруг — дефицит, соблазн-то какой...»

«Вы хотите сказать, что живете на зарплату?»

«Скажу — на зарплату, вы все равно не поверите»:

«Не поверю».

«Вот видите, а почему? Ответить не можете, а если бы могли ответить, давно посадили бы меня на скамью подсудимых. Так?»

«Так».

Пулатов усмехнулся.

«Хороший у нас разговор, почти веселый. А вы не за-

думывались о том, что такие люди, как я, скрашивают жизнь? Да и сами мы не можем жить спокойно. Я иногда думал, признаюсь вам честно, если бы государство давало мне каждый месяц две тысячи, ну, пять тысяч рублей, успокоился бы я? И представьте себе, не смог ответить. Тоску почувствовал: полета нет, надежды, что следующий месяц могу получить больше. Покой — он, действительно, может только сниться умному человеку.

Я знал игроков в карты, азартных игроков. Каждый день они приходили в компанию, играли, бывало выигрывали, но чаще всего проигрывали, и как проигрывали — деньги, машины, дом. Можно было бы себя проиграть — проиграли бы. Но они были счастливы надеждой, что завтра обязательно выиграют. Не могут же они проигрывать постоянно. Вот попробуйте выплачивать ему каждый день столько денег, сколько они выигрывали в среднем, но запретите ему играть в карты. Перед вами будет самый несчастный человек в мире. То же самое будет, если вы ему все же разрешите играть, но не на деньги. Просто так. Исчезнет азарт — и снова человек будет несчастлив. Значит, игра для него не просто развлечение, это азарт, цель, жизнь... Так и в жизни: мы не знаем, чего хотим на самом деле — покоя, денег или ощущать себя хозяином жизни.

«Ну и циник вы, Пулатов, — сказала с ненавистью Сайдаматова. — Какой там циник, негодяй!»

«Я пошутил, придумал все, а вы уже и поверили», — в голосе Пулатова чувствовалась откровенная издевка.

Сайдаматова не слышала, как в комнату вошел Валиев, остановился в дверях, несколько минут наблюдал за ней.

— Кхе, кхе! — дипломатично откашлялся он.

Сайдаматова открыла глаза.

— Здравствуй, Фатима, — Валиев смотрел на нее. — Ты разрешишь войти?

— Ты уже это сделал... — она опустила ноги на пол, поправила волосы. — Здравствуй. Проходи, раз пришел.

— Дверь была открыта, — пожал плечами Валиев, сел на стул, оглядевшись. — Не боишься воров?

— Не боюсь. Если ты к Мурату, его нет.

— Знаю.

— Знаешь?

— Догадываюсь, — сказал он с улыбкой. — Музыка не слышу, значит, его нет.

— Чай поставить?

— На Востоке в таких случаях говорят: «Чем спрашивать, лучше ударь!» — И, поймав на ее лице нечто похожее на презрение, подавил в себе вспышку гнева, изобразил улыбку. — И еще говорят: гость в доме первый человек.

Сайдаматова молча вышла из комнаты. Валиев слышал, как журчит вода, как Фатима зажгла спичку.

— Не ожидала? — спросил он, когда она ставила на стол чистые пиалы, вазочку с карамельками.

— Я тебя не приглашала.

— А я вот взял и пришел без приглашения.

Он подумал о том, что не надо было приходить: толку все равно никакого не будет. И, робея, боялся встретиться взглядом с ее большими раскосыми глазами, которые, казалось, видели его насквозь, сбнажали, выворачивали наизнанку, встряхивали перед ним же, показывая, что он есть на самом деле. Зачем она так? Он и сам прекрасно все о себе знает.

И, чтобы не молчать, Валиев начал вспоминать прошлое, рассуждать, как бы они жили, не будь у нее такой непримиримый характер. Он говорил о сложности жизни, о том, что нельзя так фанатично служить истине и справедливости, как служит она: человек есть человек, каким бы он сильным себе ни казался. Само понятие истины относительно, а человек слаб и, кидаясь из одной крайности в другую, даже в борьбе за правду чаще всего становится тираном, насильником. Умные люди говорят: когда кто-то утверждает, что сундук пуст, это еще не значит, что он прав и сундук пуст на самом деле. Пустота пустоте рознь.

— Ты стал философом! — усмехнулась Сайдаматова. Налила в пиалы чай.

— Жизнь, если часто думать о ней, любого сделает философом, — проигнорировал иронию Сайдаматовой Валиев. — Заметь, Фатима, всегда ли ты говоришь правду? Не замечала: когда кто-то говорит с нами или мы хотим расположить кого-то к себе, мы не будем говорить или делать ему неприятное. Так же и он постарается скрыть от нас неприятную правду, и мы ему будем в душе благодарны за это. Человек льстит, потому что нам приятно лести; обманывает, ибо мы предпочитаем, чтобы нас обманывали. И выходит, что наша жизнь — сплошной обман, иллюзия. Никогда в глаза нам не говорят, что думают на самом деле. Отношения людей держатся на взаимном обмане. Мы бы растеряли всех друзей, если бы

узнал, что они на самом деле о нас думают и что говорят за нашими спинами. Так стоит ли быть таким беспощадным к человеку, к этому слабому созданию, Фатима?

— Да, ты всегда отличался красноречием, — сказала насмешливо Сайдаматова.

— В наше время без красноречия — никуда, — неожиданно погрустнел он. Вытащил сигареты, нащупал в кармане спички.

— Прошу тебя, я не выношу дыма.

— Прости, забыл.

Валиев рассеянно смял сигарету, поискал глазами, куда бросить, положил в карман.

Сайдаматова отставила пиалу.

— Ну, и что же теперь? О жизни, о человеке, его слабостях уже поговорили...

— Хочешь знать, с чем я пришел?

— Угадал. Не затем же, чтобы найти слушателя, который терпел бы твою удобную философию.

— Как ты зла, Фатима, — покачал головой Валиев, выдержав минутную паузу. — В одном ты права: пора нам поговорить по душам.

— Мы, кажется, давно обо всем переговорили.

— Видимо, не обо всем. Я давно хотел поговорить о сыне.

— Ты последнее время стал часто с ним встречаться. Слишком часто.

— Мурат — мой сын, — ответил Валиев резко.

— Оставь его в покое, Усманжон, — в голосе ее неожиданно прозвучала просительная нота. — Он совсем мальчишка и от тебя научится только плохому. Я не хочу. Не хочу, чтобы он был похож на тебя!

Голос ее прервался. Валиев выждал несколько минут, сказал с усмешкой:

— Хочешь воспитать его похожим на себя?

— Да, на себя!

— Почему? — кажется, Валиев смеялся над ней. Она почувствовала, что может не сдержаться, закричать, выгнать его из дому.

— Хочешь сказать: «Выйди вон!» — прочитал в ее глазах Валиев.

— Угадал! — с трудом подавляя раздражение, ответила Сайдаматова. — Неужели ты думаешь, что Мурат пойдет за тобой?

— Почему бы и нет? — спокойно сказал Валиев, все

же закуривая. — И почему ты считаешь, что я принесу сыну зло? Я не такой ограниченный, как ты.

— Зло есть зло, в каком бы обличье оно ни было. А насчет моей ограниченности... — она хотела что-то сказать, но промолчала.

— Все твои принципы, — с брезгливой гримасой сказал Валиев. — Вроде бы бьет тебя жизнь, учит, а ты... Ничего вокруг не видишь.

— Таких, как ты, я насквозь вижу!

— Видишь, да не то. Когда-то Диоген ходил с фонарем в руках, искал человека. И что с тех пор изменилось? Человек все тот же, может быть, даже хуже. И я бы не хотел, чтобы мой сын вырос, не зная, как противостоять таким людям, такой жизни, которая не жалеет. Слабые падают и погибают первыми.

— А ты считаешь себя сверхчеловеком?

— Если бы я был таким, я бы сейчас с тобой не разговаривал.

Он замолчал, увидев усмешку, которая скользнула по губам Сайдаматовой.

— Да и ты не ушла бы от меня так легко! — сказал он, отводя взгляд.

— Скорее, ты никогда не совершили бы ошибку, связав свои судьбы, — сказала Сайдаматова. И, подумав, продолжила: — Поэтому ты и делаешь подарки сыну, что хочешь воспитать его сильным и подготовленным к настоящей жизни? В твоём понимании, конечно!

— Я возвращаю ему то, что он не получил раньше. Ты против?

— Да, против!

— Тогда запрети ему принимать от меня подарки, — засмеялся Валиев.

— Я бы это сделала, — сказала Сайдаматова. — Сделала давно, еще тогда, когда ты ему купил дорогой велосипед, зная, что мальчик не устоит перед таким подарком. О, ты знал, что делаешь! Очень хорошо знал, что я не могу делать такие подарки, знал и пользовался этим!

Они сидели друг против друга, как враги.

— Ты и Флору пробовал купить, но она сразу почувствовала это и отдалилась. Ты не переживал долго, перекинулся на сына. Я понимала: ты хотел наказать меня! Не столько думал о Мурате, по крайней мере тогда, в первые годы, когда мы разошлись, сколько рассчитывал уничтожить меня в глазах детей, сына, купить их души, чтобы я осталась одна!

— У тебя большое воображение, — прервал Валиев. Глаза его холодно блестели. — Ничего я такого и не думал, Фатима.

— И все же я сделаю все, что в моих силах, чтобы Мурат не стал таким, как ты!

— Думаешь, это тебе удастся? — засмеялся Валиев. — Ошибаешься, милая!

Сайдаматова нахмурилась, но промолчала: все аргументы вдруг показались ей ненужными. Она говорила с глухим и слепым, с человеком, который никогда не поймет ее, да и понимал ли вообще когда-нибудь! И как она могла его полюбить? Как?!

— Не тебе решать, как ему жить, — говорил Валиев, словно вырубая фразы. — Он сейчас уже видит разницу между действительностью и тем, что рисуют в своих книгах писатели. И запомни, Мурат становится мужчиной, и он не твой подследственный, которому ты можешь диктовать правила поведения, установленные законом... Ты права в одном: дочь ближе к тебе. К сожалению, у меня не получился с нею контакт. Но от этого проиграет только она.

— Что же она проиграет? — не удержалась от ядовитого замечания Сайдаматова. — Деньги, ковры, фирменное барахло — этим ты покупаешь незакаленные души? Вырастают — честно заработают сами, а не сумеют — проживут и без дорогого барахла. А ты... Нет, ты ошибаешься! Не верю, что жизнь принадлежит подонкам! И пока я жива, не дам я тебе и тебе подобным жить спокойно!

— Ого! — деланно засмеялся Валиев. — Нервы у тебя шалят, Фатима. Так далеко не уедешь.

— Уеду!

Усманжон покачал головой.

— Помнишь Ташматова? Прокурора, который жил по соседству с нами? Пятидесяти не было, а уже рубашку застегнуть сам не мог, руки тряслись. Вот куда он уехал.

— У тебя все?

— Нет, не все. Ты думаешь, мой бог — деньги?

Валиев снял с руки дорогой перстень и с силой швырнул его в открытое окно.

— И что ты этим доказал? — Сайдаматова пожала плечами. — В противоположность тебе я не выброшу даже старой ложки, потому что она куплена на мои деньги. Деньги, которые я заработала честным трудом.

— Да, доказать тебе что-либо...

Они помолчали.

— Кстати, как ты съездила в Ташкент?

— Хорошо съездила, — в тон ему ответила Сайдама-това. — Наконец-то ты заинтересовался судьбой дочери. Хотя, почему дочери? Ведь ты и не спросил о ней пока!

— Я знаю, что ее оставили в больнице, — сказал Валиев. — Помог-таки звонок Османова.

— Значит, это Османов звонил? — вырвалось у Сайда-матовой — А я-то гадала...

— Гадала! — перебил ее Валиев. — Надо не надо — тас-каешь хороших людей, а они к тебе с душой!

— Объясни, кто же эти хорошие люди?

— Пулатов, — сказал Усманжон. — Рахмат-ака. Это ведь его двоюродный брат — Османов. Рахмат-ака узнал, что Флора болеет, нажал на брата, чтобы он в Ташкент позвонил. И что ты привязалась к нему с этим Алимовым? Чарыева замучила допросами. Зачем тебе мучить и себя и людей?

— Теперь, наконец, я поняла, что тебя привело в мой дом, — усмехнулась Сайдаматова с каким-то облегчением.

— Ничего ты не поняла, — Валиев резко встал, пошел к двери. — Тебе даже не знакомо чувство благодарности. Правду говорят, — вздохнул он, уходя, — слепой на один глаз все видит только с одной стороны.

Она остановилась в дверях, несколько секунд смотрела на него не то с сожалением, не то с жалостью, потом, хлопнув дверь, закрыла на ключ.

25

Пулатов взглянул на часы: вот-вот должна была появиться Сайдаматова. Не хотелось бы, но придется ему самому говорить с ней. Он вспомнил бессвязную речь Усманжона. Нет, действительно, есть на свете люди, которым от рождения суждено быть глупцами, и делают они глупости не только по собственному желанию, но и по воле судьбы. Ругай его, не ругай — будет делать по-своему, такого не исправишь.

Ах, дурак ты, дурак, Усманжон! Упустил время, ох как упустил! Возьми ты ее в руки вовремя, когда она только-только формировалась, когда из нее можно было что угодно вылепить, шутка ли дело — свой человек на ее месте! Обидно упустить такую возможность...

Пулатов увидел Сайдаматову. Быстро зашел за угол, подождал с минуту и медленным шагом пошел ей на-встречу.

Она не видела его, смотрела куда-то в пространство, занятая своими мыслями, и ему пришлось окликнуть ее.

— Фатима Кадыровна, вот неожиданная встреча!

— Ах, это вы! Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуйте, здравствуйте, уважаемая!

Сладкой улыбкой он выражал, что искренне рад встрече, пошел рядом, рассуждая о погоде, о солнце, о хлопке, который — он сам это видел, когда выезжал в район, — выдался в этом году как никогда.

— Ну, как было в Ташкенте? — спросил он, меняя тему разговора. — Все в порядке?

— В порядке, — кивнула Сайдаматова, вдруг поняв, что говорить о том, как было в Ташкенте на самом деле, не имеет смысла: дело сделано, и Пулатов все равно никогда не поверит, что звонком Османова только сделал хуже, что профессор Власов не из тех, кто подчиняется звонкам.

— Я очень рад, — закивал Пулатов. — Как раз шел сейчас и думал о вас. Хотел спросить Усманжона, но он мне как-то говорил: не слишком вы его привечаете... Ну да это не мое дело, уважаемая, каждый живет по своим законам. — Он засмеялся, хотя глаза его оставались напрямленно-холодными. И он, понимая это, старался не встречаться с проницательным взглядом Сайдаматовой. Такую не обманешь, не сломаешь. Что ни говори, прав Усманжон: такие сами ломают других.

— Вам куда? — Сайдаматова остановилась, выразительно глядя на него. И он понял, что она хочет от него избавиться.

— Мне, в общем-то... — замылся он, но тут же сказал скороговоркой: — Я свободен и могу проводить вас немного.

Сайдаматова пожала плечами, понимая, что Пулатов так просто не уйдет, видно, он поджидал ее. С минуту они шли молча.

— Все хотел спросить вас, Фатима Кадыровна... — нарушил он молчание.

— Я вас слушаю.

— Не подумайте, что за себя прошу, — сказал, оправдываясь, Пулатов. — Из человеколюбия, можно сказать, беспокоюсь. О молодом парне душа болит. О Чарыеве.

— Товарищ дорогой, хороший, — неожиданно вынырнул из-за дерева мужчина в грязной, помятой сорочке. — Десять копеек, выручите, если не жалко.

Пулатов брезгливо поморщился.

— Очень надо?

— Очень, — подхватил мужчина торопливо. Хотел что-

то сказать, но так и застыл с открытым ртом, узнав Сайдамакову.

Пулатов достал из кармана мелочь:

— Десять копеек хватит или мало?

— М-м-м! — замотал головой мужчина, не в силах отвести замороженного взгляда от Сайдамаковой.

— Что, Трохин, — сказала она ему, — казанов с шурпой не осталось, теперь по десять копеек начали собирать?

— Вы его знаете? — удивился Пулатов.

— Пришлось познакомиться, — отозвалась Сайдамакова.

— Честное слово, товарищ... гражданин судья, я ничего, — залепетал испуганно Трохин, оглянувшись. За деревьями топтались два его приятеля, таких же помятых и опухших. — Не узнал вас, честное слово.

Он начал пятиться, лепеча что-то несвязное.

— Возьми, что же ты! — крикнул удивленно Пулатов. Но Трохин даже не посмотрел на него, повернулся и побежал.

За ним припустились и те, что стояли за деревьями.

Сайдамакова вдруг вспомнила, что надо связаться по телефону с Ташкентом, узнать о Флоре. Несколько раз она пыталась дозвонить до Власова, но трубку никто не поднимал, и это беспокоило ее еще больше. Неизвестность всегда действует угнетающе, вот и сейчас...

— Скажите, Фатимахон...

Сайдамакова глянула на Пулатова удивленно и неприязненно. Он поспешил оправдаться:

— Простите, что я вас так, но вы намного младше меня. И к тому же мы с вами знакомы достаточно давно.

— И все же я прошу вас обращаться ко мне по имени и отчеству, — ответила Сайдамакова.

— Пусть будет так, — согласился Пулатов. — Еще раз прошу прощения, это не повторится.

Он засмеялся, вздохнул, словно вспоминая что-то:

— Вы настроены против Чарыева, я правильно понял вас?

— Говорите яснее, — сказала Сайдамакова. — Я не понимаю вас.

— Тут и понимать нечего. — Пулатов заговорил так, словно боялся забыть что-то важное, точно его могли перебить и не дать высказаться до конца. Он напомнил, что знал Сайдамакову еще задолго до сегодняшнего дня, помнит, как впервые привез ее в город Усманжон, радовался за него: как-никак родственник, хоть и дальний. Пу-

латов вспомнил свадьбу, родственников, которых он лично пригласил по просьбе Усманжона.

— Знаете, — остановилась Сайдаматова, — я устала. Если хотите что-нибудь сказать, что поможет следствию, приходите ко мне на работу, и мы обо всем поговорим.

— Неужели вы не можете без официальных, Фатима... Кадыровна?

— Не могу.

— Но нельзя же так, милая Фатимахон! — воскликнул Пулатов. — Я подошел к вам просто как человек, к чему эти допросы, а тут еще люди ваши появились в магазине. Что вы ищете? Убийцу? Он в тюрьме! Растрату, следы ее? Но когда это было? Правильно, я не отрицаю, была растрата, недостача у Газиева, но мы сообща покрыли ее, пожалели парня. Проверьте документы...

— Так чего же вы испугались, если у вас все в порядке?

— Ничего я не испугался, — покачал головой Пулатов. — Больно мне чувствовать недверие! И от кого? От вас, которая знает меня! Вспомните, сколько я вам когда-то добра сделал, если уж пошло по-честному?

— Если по-честному... — усмехнулась Сайдаматова, но замолчала. Она хотела признаться Пулатову, что ничего не знает о людях, которые появились в его магазине, понятия не имеет, что они ищут, но в последнюю секунду раздумала говорить ему это.

— Если по-честному... то я не совсем уверена, что убийца Газиева — Алимов! — вдруг еказала она неожиданно для самой себя.

Несколько мгновений Пулатов приходил в себя, оглушенный услышанным, и Сайдаматова это заметила. Но вот он уже справился с собой, спросил с деланным возмущением:

— И это вы называете справедливостью? Алимов — убийца, а вы что же, выгораживаете его? Я, кстати, слышал, что он бывал у вас в доме, с сыном вашим дружен...

— Спасибо за напоминание, я это знаю. Но преступление-то остается преступлением. И если убил действительно Алимов, он понесет наказание. А если не Алимов... — она не закончила.

— Вы слишком верите в себя — это опасно. Очень опасно! Безгрешных людей нет... — Пулатов многозначительно посмотрел на собеседницу.

— Вы мне угрожаете? — удивилась Сайдаматова.

— Упаси бог! — запротестовал Пулатов, поднимая

обе руки. — И не думал даже! Просто хотел предупредить вас, что от ошибок и вытекающих из них последствий никто не застрахован.

Она не испугалась Пулатова, хотя в голосе его сквозило что-то такое, что настораживает, заставляет задуматься.

— Похоже на угрозу... — сказала она, внимательно всматриваясь ему в лицо. — А вы ведь чего-то боитесь, так?

— Боятся только те, кто чувствует за собой какую-то вину, — явно взвешивая слова, произнес Пулатов. — За мной ничего нет, я работаю в торговле не один десяток лет, имею звание «Заслуженный работник торговли» — это не так мало!

— Да, вы правы, — сказала Сайдаматова, — не так мало: кроме всего прочего, и звание должно работать на вас.

— Трудно говорить с тем, кто не способен воспринимать добрые советы!

— До свидания! — отрезала Сайдаматова.

Она хотела уйти, но Пулатов поймал ее за руку.

— Еще минуточку, Фатима Кадыровна!

Добродушные и просительные нотки в его голосе исчезли. Маска была сорвана — Сайдаматова поняла это по его колючему взгляду.

— Один совет на прощание, пусть даже бесполезный!

— Я слушаю.

— Знал я когда-то одного человека. Очень большой был человек, все мог, но не хотел понимать других, не слушался советов...

Он замолчал, как бы проверяя силу своих слов.

— Что же вы с ним сделали, с этим большим человеком? — в голосе Сайдаматовой прозвучала насмешка.

— Ничего, — спокойно ответил Пулатов. — Нет его. Сидит. Рядом с теми, кого раньше сажали по его указанию.

— Что же вы мне советуете?

— Вы жена, хоть и бывшая, но все же жена моего родственника, — сказал Пулатов медленно, нажимая на каждый слог. — У вас дети, в которых наша кровь. Подумайте, прежде чем принять какое-то решение.

— До свидания!

— Очень было приятно с вами побеседовать, — поклонился Пулатов, повернулся и быстро пошел назад.

— Разрешите, Фатима Кадыровна?

Сайдаматова поднялась навстречу капитану, за которым вошел молоденький лейтенант в новенькой форме. Капитан был взбудоражен, глаза его горели.

— Что-нибудь случилось, Холматжон?

— Случилось, Фатима Кадыровна! — ликовал капитан, не находя себе места, он быстро мерил кабинет широкими шагами. Многозначительно поглядывал на лейтенанта.

— Тогда рассказывайте, — Сайдаматова вернулась на свое место, жестом пригласила обоих сесть.

— Пулатов-то—наш, — не выдержал капитан, — зацепил его лейтенант.

— Так это вы взбудоражили Пулатова своим посещением? — спросила Сайдаматова лейтенанта.

— Я, — улыбнулся тот.

Потом лейтенант рассказал Сайдаматовой, почему он заинтересовался Пулатовым. Работниками ОБХСС был задержан некий Варданян — экспедитор обувного комбината. Он выехал из ворот комбината на фургоне, груженном обувью. Проверили накладные, а они у него «липовые».

— Пришлось, конечно, попотеть, — смущенно закончил он рассказ, — но в конце концов Варданян признался, что вывозил обувь и раньше.

— И среди клиентов своих назвал Пулатова? — не удержалась Сайдаматова.

— В том-то и дело, Фатима Кадыровна, что назвал! — воскликнул капитан. — Карим пытался проверить, поговорил осторожно с продавцами, но ничего интересного не обнаружил.

— А с Пулатовым говорили? — спросила Сайдаматова.

— Нет, — лейтенант покачал головой. — Я хотел, но Холматжан-ака...

— Я подумал, — объяснил капитан, — рано еще. Понятно, Пулатов — это не Варданян, только спугнем. Ошибку ребята допустили, взяв его до того, как он отдал кому-то обувь. Раз он, этот Варданян, вез ее, где-то ждали его и приняли бы. Проследить нужно было ниточку-веревочку, а уже потом...

— Ниточка есть, — сказала Сайдаматова. — Варданян.

Она задумалась, капитан и лейтенант не мешали ей, сидели молча.

— Конечно, Газиев знал, что происходит в магазине, — начала развивать мысль Сайдаматова. — Возможно, битый не хотел участвовать в их махинациях, они боялись, что выдаст, и попытались заставить его молчать. Устроили растрату. А когда не помогло... Вопрос — при чем здесь Алимов? Работал бы он в магазине, а так...

— А так, помог случай! — вмешался капитан. — Попробую-ка еще раз поговорить с Корочкиной. И раньше мне казалось, что она что-то скрывает. Пугалась каждого вопроса, отвечала нервно. Я думал, напугана убийством, потрясение, а теперь... Слишком поспешно Чарыев ее увел, оставив вдвоем Алимова и Газиева, хотя они и поссорились перед этим. Знаете, у меня теперь почему-то вызывает недоверие поведение Чарыева в тот вечер.

— Я тоже так думаю, — согласилась Сайдаматова. — Вызывайте Корочкину, а вы, товарищ лейтенант... Просьба к вам, Пулатова пока не трогайте. Нужно еще кое-что согласовать со следователем прокуратуры, возможно, попросить у него разрешение на обыск квартиры Чарыева.

— Слушаюсь, товарищ майор.

— С Пулатовым у нас будет посложнее, — рассуждала вслух Сайдаматова. — Опыт у него в таких делах большой. Такого надо брать с поличным.

— Я это уже понял, — кивнул лейтенант. — Битый и перебитый мужик.

— Нужно узнать, когда Варданян привозил товар Пулатову, точные числа, сколько раз, кто принимал, расплачивался, — говорила Сайдаматова, а про себя что-то быстро высчитывала мысленно, проводила параллели: Алимов — Газиев, Газиев — Чарыев — Пулатов, Чарыев — Пулатов, Чарыев — Корочкина — Алимов.

27

— Ты понимаешь, что будет, если они раскрутят Варданяна? — говорил Пулатов.

В таком состоянии Валиев видел его впервые, Пулатов казался растерянным, даже напуганным. Он, человек-глыба, переживший на протяжении своей жизни столько событий, сколько другому и не снилось! Рядом кто-то падал, исчезал неожиданно, а Пулатов оставался. Делал свои дела. И вот...

— Варданиян не выдаст, — сказал Усманжон и отвел глаза.

Пулатов помолчал, глядя куда-то сквозь него.

— Когда дом горит, каждый думает о своей шкуре...

Усманжон промолчал.

— И еще он думает, — продолжил Пулатов, — почему не должен сгореть дом соседа? Когда горят двое, не так обидно.

Усманжон не ответил: он размышлял в эту минуту о себе, не понимая, что же в конце концов хочет от него Пулатов. Если он считает, что Фатиму можно уломать, то очень ошибается. Отца родного, не пожалела бы, наверное, из-за своих принципов.

Он припомнил, как всегда вспоминала она своего отца, с какой любовью говорила о нем, о его доброте. Спросил себя: а может, отца пожалела бы? И тут же ответил с горькой, чуть злорадной усмешкой: нет! Она не в него.

И потом, возвращаясь, он с тоской вспоминал весь разговор, проклинал свою слабость, отыскав в памяти тот день, когда впервые познакомился с Пулатовым. Будь проклят тот день! Будь проклята Фатима! Будь проклята такая жизнь!

И все же Пулатов прав. Прав, и от этого никуда не деться. Если Варданиян не выдержит, то Чарыев сломается от одной мысли о тюрьме, а там... Нет, об этом даже думать не хотелось.

Отбросив видимую благожелательность, Пулатов прямо говорил, что есть только один выход заставить Фатиму отступить — это Мурат.

— Но ведь это мой сын! — простонал Усманжон, глядя в лицо Пулатову.

— Ты думаешь, будет лучше, если твой сын останется без отца? — жестко спросил тот.

И Валиев замолчал. А Пулатов говорил, говорил, приводил довод за доводом.

— Сын не муж — от него она не сможет отказаться, — говорил Пулатов. — В любой женщине нет ничего сильнее материнского чувства. Надо этим воспользоваться...

А через несколько дней Сайдаматова нашла Мурата пьяным. Он лежал на кровати в своей комнате, голова была неестественно запрокинута, на полу рассыпаны несколько пятирублевок, пустые бутылки от вина, растоптанные окурки.

Она застыла, не в силах произнести ни слова. Почувствовав, что в комнату кто-то вошел, Мурат заворочался, открыл глаза, тяжело поднял голову:

— Мама, это ты?

— Что тут происходит, Мурат?

Мурат поморщился то ли от вопроса матери, то ли от головной боли, которая будто раскалывала черепную коробку.

— Встань и приведи себя в порядок, — с трудом сдержала она себя. — Я хочу поговорить с тобой.

Сайдаматова сидела на диване, внутренне сжавшись и вслушиваясь, как журчит вода в ванной комнате, как топчется Мурат перед дверью, не решаясь открыть ее. Наконец он вошел, остановился напротив матери.

— Объясни, Мурат, — не выдержала и первой начала Сайдаматова, — что все это значит?

— Ровно ничего, чтобы делать такие страшные глаза, мама, — он пытался шутить, сел рядом с матерью, хотел обнять ее за плечи.

Сайдаматова отчужденно отстранилась.

— И все же попытайся объяснить.

— А что объяснять? — с вызовом бросил Мурат. — Что у Рустама был день рождения и ребята попросили отметить его у меня? Законы общежития тебе известны, там не попряднуешь. Это тебе хотелось услышать?

Сайдаматова смотрела на него немигающими глазами и будто чего-то ждала.

— И вообще, что ты ко мне привязалась! — Мурат вскочил, пошатываясь подошел к столу, жадно припал к горлышку чайника. Демонстративно сделал несколько больших глотков, ежесекундно ожидая окрика матери, которая не выносила, когда он пил прямо из чайника. Сейчас ему особенно нравилось пить так, нравилось — и все.

— Я человек, — поставил чайник Мурат. — Понимаешь ты, просто человек, живой, с естественными потребностями, и никогда не буду таким, каким хочешь ты меня видеть.

— Откуда у тебя деньги, Мурат?

— Деньги? — он усмехнулся. — Заработал.

— Заработал? — она почувствовала, как похолодело внутри. — Каким образом?

— Не бойся, я никого не ограбил.

— Где ты взял деньги, Мурат?

— Я тебе отвечаю: заработал! И нечего на меня смотреть, будто я совершил преступление.

Он помолчал, глядя куда-то в пространство.

— Что с тобой происходит, мама?.. Ты же..: ты же в каждом поступке ищешь какой-то криминал. Почему?

— Хорошо, — согласилась Сайдаматова. — Задам тебе вопрос по-другому: как ты заработал эти деньги?

Мурат несколько секунд пристально смотрел на мать, усмехнулся горько.

— Ты несправима, мама!

— Мурат!

— Не кричи на меня! — вспыхнул он и добавил после паузы: — Не надо, мама. И чтобы покончить с этим, скажу: для беспокойства у тебя нет причин. Я честно заработал эти деньги — помог человеку приобрести мебель. У отца в магазине хороший знакомый, я помог — и человек отблагодарил меня.

— Это отец тебя научил таким заработкам, Мурат?

— Отец или не отец — что в этом плохого? Время такое, мама, все живут как могут, и ты это прекрасно знаешь.

— Не знаю, сынок, — покачала она головой. — Объясни, как все живут? Если можешь, конечно.

— Могу, — холодно ответил Мурат. — Хорошо живут. Намного лучше нас, и никто не имеет права их обвинять за это. Никто, мама! Даже ты со своими принципами. Красиво жить не запретишь...

Мурат замолчал, глядя отчужденно на мать, а она со страхом чувствовала, что теряет сына. Чувствовала, но ничего не могла сделать. Нужно было что-то говорить, как-то протестовать, но как, какие доводы она может привести, чтобы убедить, доказать? Какне?

Нет, это не Мурат сейчас говорил с ней. Снова и снова всматривалась она жадно в родные черты и видела едва уловимые черточки своего бывшего мужа. Да, это он, Усманжон, говорил с ней голосом сына.

— Нет, — прошептала она едва слышно. — Ты не можешь так говорить! Не можешь так думать, Мурат! Ты ведь мой сын, сын!..

Мурат ушел спать, а Сайдаматова еще долго сидела в темной комнате, и все слышался ей раздраженный голос сына: «Красиво жить не запретишь».

«Красиво жить не запретишь!» — фраза Усманжона. Он любил повторять ее. Однажды он пришел домой радостный, возбужденный.

— Заживем скоро, Фатима! — обнял он ее. — Как люди заживем, все у тебя будет.

— А разве мы сейчас не как люди? — засмеялась она.

— Нет, — покачал он головой. — Так бы жить всю жизнь я не хотел. Хочу красиво жить, красиво!.. Ты не думай ни о чем, это дело мужа устроить жене красивую жизнь.

Потом она узнала, что Усманжону предложили работу заведующего столовой и пообещали, что это для начала. Она шутила, пробовала высмеивать его. Инженер, и вдруг заведующий столовой. Он только отшучивался, не переча ей. И она смирилась, не подозревая, что с этого дня в отношении их ворвалось нечто новое, такое, что со временем сделает их чужими, врагами.

28

Капитан ворвался в кабинет Сайдаматовой с таким видом, будто произошло нечто невероятное.

— Полюбуйтесь, товарищ майор! — он торжествующе положил перед ней толстую тетрадь.

Сайдаматова уже привыкла к экспансивному характеру своего помощника, пожала плечами, открыла тетрадь, подняла глаза на капитана.

— Дневник?

— Вы перелистайте, перелистайте! — торопил капитан. Потом не выдержал, зашагал по кабинету. — Теперь они у нас в руках, Фатима Кадыровна. Представляете, всю ночь не спал. Надо же, такие дела под носом у нас происходили, а мы ничего не знаем.

Сайдаматова не слушала его, быстро листала дневник, в котором со скрупулезной точностью описывались — день за днем — люди и факты, приходы и расходы.

— Чей? Откуда? — наконец подняла она глаза на следователя.

— Чарыева, — выдохнул капитан. — Мы, пока он был на работе, аккуратно с квартирой его познакомились. Ну и нашли. Дурак, такой документ держал у себя. И самое главное, — он помолчал многозначительно. — Если внимательно прочтаете... там есть очень интересное и для вас, Фатима Кадыровна. Об убийстве Газиева...

Пулатов был разъярен:

— Писатель нашелся! Пушкин! Достоевский! Сопляк, козел ободранный! Ты нас всех под петлю подвел, идиот!

Он подскочил к Чарыеву, с силой ударил его кулаком по лицу, потом еще, еще раз. Тот не сопротивлялся, слабо прикрывал голову, только ойкал, размазывая по лицу кровь.

— Я все, все на себя возьму, Рахмат-ака! — плакал он. — Я никого не выдам, поверьте. Матерью клянусь! Может, он и не к ним в руки попал...

— А куда же он мог попасть, осел безмозглый! К твоей покойной бабушке?! — снова взорвался Пулатов. — Ты что там записывал? — задыхаясь, он опустился на стул. — Что писал? Тебя спрашиваю?!

— Не знаю... Не помню сейчас, Рахмат-ака... — дрожа всем телом, оправдывался Чарыев.

— Про Варданяна писал?

Чарыев беззвучно кивнул, прижался к стене, ожидая новых ударов.

— Про товар, который он привозил? — Пулатов смотрел на него страшными глазами.

— Не все, — едва слышно прошептал Чарыев.

— Про меня тоже писал?

— Может, зря мы в панику бросаемся, Рахмат-ака? — не выдержал Валиев.

— Ты действительно ничего не понимаешь или дурак?! — закричал на него Пулатов. — Ведь этот кретин нас всех под статью подвел своим дневником. Он же сам признался: каждый день там записывал, что и где делал, кого встречал, кто ему что дал! Это же дневник! Дневник! И он сейчас наверняка у твоей Фатимы в руках. Понял наконец?!

— Это так? — вздрогнул Усманжон, глядя на Чарыева. Тот глотнул слюну, кивнул.

— Я не хотел, Усманжон-ака! Я сам пойду и во всем признаюсь...

— Подотрись своими признаниями, теперь они им не нужны! Ты сделал свое дело! Пошел вон отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели! Вон!!! — заорал Пулатов, запуская пепельницей в голову Чарыева.

Тот пулей вылетел из кабинета, а Пулатов начал бешено накручивать диск телефона.

— Я сказала все, что знала, — говорила Корочкина, боясь встретиться с глазами Сайдаматовой. — И надоело мне все это: вызываете, вызываете — сколько же можно?

— Скажите, Лида, и, если можно, простите меня за подобный вопрос: в каких вы отношениях с Чарыевым?

— Ни в каких! — резко ответила Корочкина, покраснев, добавила: — Нет у меня с ним никаких отношений.

— Вы боитесь его, почему?

— Я никого не боюсь.

— Боитесь. И потому не рассказываете всего, — она покачала головой, достала из стола дневник Чарыева, открыла нужную страницу. — А зря, зря...

Корочкина вскинула на нее глаза, но ничего не сказала.

— Мы случайно обнаружили дневник Чарыева, — сказала Сайдаматова.

— Дневник? — изумилась Корочкина. — Зачем ему это?

— Не знаю, — улыбнулась Сайдаматова. — Наверное, писателем хотел стать, на факультете журналистики недоучился... Просматривая дневник, я обнаружила любопытную запись, — продолжала она. — Прочитать?

Корочкина пожала плечами.

— Прочитайте, если хотите.

— «Нужно поговорить с Л. К., чтобы не болтала, чего не надо. И Рахмат-ака говорит: она может выдать...»

— Что я могу выдать? — не выдержала и покраснела Корочкина. — И почему вы решили, что там именно обо мне?

— Значит, вы утверждаете, что не о вас? — Сайдаматова посмотрела ей в глаза.

— Когда он это написал?

— Четырнадцатого февраля. Через день после того, как был убит Газиев.

Стало тихо. Сайдаматова видела, что Корочкину что-то мучает, что она пытается сдержать себя, видела, но молчала, ждала.

— Я ничего не знаю, — Корочкина заплакала. — Ничего не знаю, оставьте меня в покое. Прощу вас!

— Может быть, мне попробовать допросить Корочкину? — говорил капитан. — Нажать чуть-чуть?

— Не надо, — ответила Сайдаматова. Она думала о чем-то своем. — Сейчас нам нужен Чарыев.

— Ищем. Как сквозь землю провалился, — кивнул капитан. — Ничего, от нас не сбежит.

— Не сбежит, — согласилась Сайдаматова, — но нам он нужен как можно быстрее. Пока он не успел собрать-

ся, обдумать все. Сейчас он напуган, не знает твердо, за что мы зацепимся. Найдите его,— поднялась она.

— Найдём,— сказал твердо капитан и тоже встал.

У двери он обернулся, неуверенно посмотрел на Сайдаматову.

— Вы что-то хотите мне сказать? — удивилась она.

— Да... Понимаете, Фатима Кадыровна, мне ребята сказали. Из ОБХСС...— он замялся.

— Говорите; я слушаю,— нахмурилась Сайдаматова.

— Поговорили бы вы с сыном, Фатима Кадыровна. С подозрительными людьми его стали замечать.

Сайдаматова похолодела внутренне, сжала пальцами край стола.

— Беспокоиться пока нет причин,— торопливо заговорил капитан,— но... вы сами хорошо знаете... в нашей работе со всяким можно встретиться.

— Он...

Голос Сайдаматовой дрогнул.

— Ничего,— замотал головой капитан.— Я подумал, что Валиев... он у ребят давно на примете. Отец, конечно, есть отец, но теперь Мурат слишком часто стал бывать в окружении людей, связанных с Валиевым.

— Спасибо, Холматжон,— сказала Сайдаматова, ощущая, как горят щеки.— Я поговорю с сыном. А вы найдите мне Чарыева.

— Все понял,— кивнул капитан и закрыл за собой дверь.

29

Сайдаматова сидела рядом с водителем дежурной машины и, не замечая дороги, подгоняла его.

— Быстрее. Неужели нельзя ехать быстрее!

— Как попадешь под красный свет, всю дорогу так будет,— тихо ворчал водитель.

Сайдаматова не слышала его. Сейчас она думала о Корочкиной, которую в тяжелом состоянии доставили в больницу. Ножевое ранение в области живота. Случайность или закономерный шаг преступника?

Если не случайность, то она, она одна виновата в том, что вовремя не предупредила девушку. Чувствовала ведь, что та сказала на следствии не все. Чувствовала, но не «дожала» — «дожал» другой, Чарыев.

В больнице ей пришлось получить разрешение главного врача. Корочкина была действительно в очень тяжелом

состоянии: только-только пришла в себя после операции.

Сайдаматова даже не сразу узнала девушку — так она почернела, похудела, осунулась.

— Это он,— едва слышно сказала Корочкина, глядя на Сайдаматovu. Из глаз ее выкатились две слезинки.

— Чарьев?

— Что я ему сделала?..

Она закрыла глаза. Сайдаматова быстро глянула на врача, который подошел к Корочкиной, послушал пульс.

— Придется вам уйти,— сказал он.— Она без сознания...

Полковник молча оглядел собравшихся, постучал пальцем по столу.

— Кто хочет высказаться?

Все молчали.

Сайдаматова почувствовала, что полковник смотрит на нее, подняла голову. Встретив его вопросительный взгляд, поднялась.

— Можете сидеть,— остановил ее полковник.

— Ничего, я привыкла говорить стоя,— сказала Сайдаматова.— Дело Газиева, товарищ полковник, почти ясно. Как я докладывала вам ранее, Алимов невиновен.

— Но ведь он признался в убийстве,— заметил один из следователей.

— Алимов невиновен,— повторила Сайдаматова, не оглядываясь на того, кто удивился ее сообщению,— и я надеюсь, что очень скоро представлю вам доказательства.

— Но для этого вам нужен Чарьев, так? — спросил полковник.

— Он нужен не только мне, но и по делу Варданяна,— сказала Сайдаматова.

— Что скажешь, майор? — обратился к молодому начальнику уголовного розыска Шайхову полковник.— Когда ты найдешь Чарьева?

— Найдем,— улыбнулся Шайхов.— Ребята мои уже которую ночь не спят.

— И не будут спать, пока не найдут его.

— Не будут, товарищ полковник,— согласился Шайхов.— И я думаю, через несколько дней вы сможете допросить этого Чарьева.

— Очень надеюсь,— кивнул полковник.— Теперь перейдем к следующему вопросу...

У Мурата кто-то был. Сайдаматова это поняла, как только открыла калитку и вошла во двор. В комнате Мурата светился торшер и играла музыка.

Она нахмурилась, представляя себе разговор с сыном, но тут же постаралась подавить поднимающееся раздражение.

Ну почему она так категорична? Почему ее раздражает, если к Мурату кто-то приходит? Что в этом плохого, он молодой парень...

Парень! Что-то будто укололо ее в самое сердце.

Он почти взрослый, а она обращается с ним, как с маленьким ребенком, не хочет замечать, что он вырос. Вырос! И стал вполне самостоятельным. Она, стараясь не шуметь, открыла дверь и прошла на кухню. Ужасно болела голова, и ей вдруг нестерпимо захотелось крепкого горячего чая. Как в студенческие годы, когда без стакана крепкого чая после бессонных ночей, проведенных над учебниками, она не могла выйти на улицу. Подруги, помнится, посмеивались над ней: совсем стала наркоманкой, смотри, как бы цвет лица не испортился, замуж не выйдешь!

Замуж она вышла, и те же подруги, которые снисходительно над ней подшучивали, потом с завистью говорили между собой: «Отхватила же себе жениха! А еще тихоней прикидывалась!»

«Совсем как тогда», — улыбнулась Сайдаматова, бросая в чайник большую ложку заварки. Последнее время, вернее — годы, она пила чай или кофе, совсем не ощущая вкуса, пила, как воду — горячую, безвкусную воду.

— Мама, это ты? — На кухню заглянул Мурат, шелкнул выключателем. — А почему в темноте?

— Чаю захотелось крепкого, сынок, — сказала Сайдаматова, присаживаясь на табуретку.

— В темноте?

— Задумалась я и не заметила, — засмеялась она. — У тебя гости?

— Так, — помялся он. — С курса нашего ребята и девочки. Ты не против?

— Не против, — ответила Сайдаматова неожиданно для себя. — Только громко очень... Можно немного потише музыку, Мурат?

— Можно, конечно!

Он несколько секунд удивленно смотрел на мать, повернулся к двери.

— Мурат!..

— Да, мама,— обернулся он.

— Нет, нет,— качнула она головой.— Я просто... вам ничего не нужно?

— Ничего,— еще больше удивился он.— Что-нибудь случилось, мама?

Он тревожно всматривался в ее лицо, стараясь определить причину такой неожиданной заботы.

— С Флоркой что-нибудь, мама? — голос его дрогнул.

— Ну почему обязательно что-то должно случиться? — удивилась в свою очередь Сайдаматова.— И с Флорой все в порядке. Я звонила — профессор сказал: через месяц-полтора она будет полностью здорова.

— Понятно,— кивнул он, хотя по лицу его было видно, что он полностью сбит с толку и не знает, что делать: уйти или продолжать этот необычный разговор.

Он не привык к такому обращению, не привык видеть мать такой (он никак не мог найти слово, чтобы охарактеризовать ее в эту минуту). И она поняла его и тоже смотрела ему в глаза, удивляясь тому, что действительно не заметила, как он вырос. Вон и усы пробились над верхней губой. Наверное, уже бреется потихоньку?

Ей захотелось встать и провести ладонью по его щеке, удостовериться в чем-то.

— Мурат, подойди ко мне.

— Зачем? — все больше удивляясь, он шагнул к матери.

Сайдаматова потянулась к сыну, коснулась его щеки.

— Ну что ты, мама! — отдернулся он, как от удара.— Что с тобой сегодня, не пойму?

— Ничего,— засмеялась Сайдаматова.— Просто у меня лирическое настроение. А разве это плохо?

— Не знаю,— пожал он плечами. Помолчал.— Я пойду?

— Иди,— кивнула она.

В дверях он остановился.

— Ты к нам не зайдешь, мама?

— Если ты пригласишь, зайду,— вдруг поднялась она.— Приглашаешь?

— Пожалуйста!

Она видела, что сын ошарашен ее согласием, внутренне засмеялась, пошла вперед.

— Знакомьтесь, это моя мама,— сказал громко за ее спиной Мурат. Слишком, пожалуй, громко, потому что все и так замолчали, повскакивали со стульев.

В комнате были два парня и три девушки. Все в джинсах, модных батниках. «Джинсовая молодежь»,—вспом-

дила она выражение кого-то из коллег, но тут же постаралась изменить ход мыслей.

— Здравствуйте,— она прошла к дивану, села.— Что же вы замолчали? Или я помешала?

— Нет, нет,— встрепенулась одна из девушек.— Ты очень правильно сделал, Мурат, что пригласил маму. Мне, например, очень давно хотелось поговорить с вами, послушать о работе. Ведь это очень интересно: кругом преступники, убийцы, бандиты, и вдруг перед ними женщина!

— Ну, Светка, завелась! — поморщился Мурат.

— Вы, наверное, староста группы, Светлана? — улыбнулась Сайдаматова.

— Почему именно староста? — тряхнула та светлыми локонами.— Я комсорг.

— Я так и думала,— засмеялась Сайдаматова.

Остальные тоже засмеялись. Светлана снисходительно оглядела товарищей, посмотрела на Сайдаматову.

— Между прочим, Фатима Кадыровна,— заговорила она чуть с вызовом,— когда вы идете по улице, тоже сразу становится ясно, что вы либо следователь, либо человек, который... ну, занимает ответственный пост.

— Светка, перестань! — одернула ее одна из подруг.

— А разве не так?

— Так,— согласилась Сайдаматова, сразу став серьезной.— Каждая работа накладывает на человека свой отпечаток...— она посмотрела на сына.— Мурат, мне кажется, твои гости заскучили.

Один из парней украдкой вытащил из-за портьеры бутылку сухого вина, но девушки состроили такие страшные глаза, что он тут же сунул ее обратно.

— Веселитесь, что молчите? — не выдержал Мурат.

— Дождь, наверное, будет! — сказал тот, что стоял у окна и старательно прятал бутылку с вином.

— Ты что, сдурел! — деревянно засмеялся Мурат.— Какой сейчас может быть дождь?

— Мне пора,— поднялась Сайдаматова.— Вы тут веселитесь, а у меня дела.

— Как? — удивилась Светлана.— Дела после работы?

— У мамы всегда дела,— ответил Мурат, украдкой показывая ей кулак.— В милиции нет выходных.

— Это понятно,— согласился тот, что стоял у окна.

Сайдаматова сделала вид, что не видела ничего, вышла из комнаты. На душе было тяжело. Тяжело, потому что она была чужой этим ребятам, чужой даже своему

сыну. Они словно бы говорили на разных языках. Почему? Несовместимость поколений?

Чушь какая-то! При чем здесь несовместимость поколений! Просто она не может найти с ними общий язык. Не может...

Сайдаматова со страхом подумала о том, что, может быть, в этом и заключается причина отчуждения от нее Мурата. Может быть, она во всем виновата сама: не заметила, как оттолкнула от себя сына, занятая работой?

Но ведь именно та работа, которую она делает, кормит его, дает ему возможность спокойно учиться, спать, есть, не думать о том, что он будет надевать завтра! Ведь ей, бывало, приходилось...

«Ну вот,— услышала она скрипучий голос Санобар, подруги по университету, с которой случайно встретилась три года назад на семинаре судебных работников в Ташкенте.— Ты еще времена наших дедушек вспомни! — и со вздохом добавила: — Мой Санжар сразу мне сказал: «Если не можете обеспечить своего сына, купить ему порядочную одежду, так и скажите — я сам все заработаю. Пойду и заработаю. Грузчиком пойду! Не хочу в институте позориться: все в фирме, а я...» А фирма эта по двести пятьдесят рублей, по триста, ты представляешь себе, Фатима! — говорила Санобар.— Пришлось купить, что делаешь. Иначе бы институт бросил».

Сайдаматова вспомнила, что очень удивлялась тогда своей подруге, сама она ни за что не пошла бы на уступки сыну: хочет пойти работать — пожалуйста! Иди, заработай себе на фирменные джинсы!

Нет, она бы ни за что не согласилась купить Мурату какие-то джинсы за триста рублей! Ни за что!

Но почему? Потому, что это дорого, или потому, что она просто противница слепого поклонения перед всем западным? Что ее раздражает — то, что она не может себе позволить тратить такие огромные деньги на какие-то брюки, или нечто другое?

Если первое, то почему она в категоричной форме запретила Мурату принять от отца джинсы? Запретила и проиграла: через некоторое время все равно увидела их на сыне, увидела и промолчала. Не хотелось ссоры...

Она лежала с открытыми глазами, слышала, как разошлись гости сына, как последний раз хлопнула калитка, шелкнул ключ в дверях. Сайдаматова услышала осторожные шаги Мурата, который остановился, прислушиваясь перед дверьми, спит она или нет.

Натужно скрипнули петли. Она поморщилась: сколько раз говорила ему, нужно смазать петли, неужели это трудно — пропитать маслом клочок ваты и провести по железу?

Тонкая полоса света разделила комнату на две половины.

— Мама, ты спишь?

— Нет. Входи, что же ты?

— Да нет, — Мурат хотел закрыть дверь. — Я просто не знал — спишь ты или нет.

— Войди, Мурат, — она села, поправила волосы, прикрылась пледом. — Я хочу поговорить с тобой.

Мурат сел в кресло, вытянул ноги и замер в ожидании, всем своим видом выражая привычную готовность без возражения снести ее проповеди. Что она решила его проработать, в этом он не сомневался. Но молчание затягивалось, и он не выдержал, спросил недоуменно:

— Что ты хотела мне сказать, мама?

— Ты часто видишься с отцом?

— А почему это тебя вдруг заинтересовало?

— Потому что ты мой сын.

— Только поэтому? — усмешка скользнула по его губам.

Сайдаматова постаралась не заметить ее.

— Встречи ваши стали слишком частыми, почему, Мурат? Кто их ищет, ты или... отец? — запнулась она, не зная, как назвать Валиева.

— Он мой отец, как ты сама только что выразилась, — хмыкнул Мурат. — Мы оба ищем друг друга... — Он замолчал, собираясь с мыслями. Сайдаматова не мешала ему, ждала. — И вообще, не слишком ли, мама, ты встречаешь в мою жизнь?

— Поясни.

— Не перебивай, пожалуйста, — поморщился Мурат. — Я, как видишь, это и делаю. Я мужчина. Мне нужно мужское общество, и для этого у меня есть отец, всеми уважаемый человек.

Теперь усмехнулась Сайдаматова. И Мурат не удержался, чтобы не заметить раздраженно:

— И не надо так улыбаться, мама! Не надо!

— Продолжай, что же ты.

— Он мне нужен, вот! — выкрикнул с вызовом Мурат. — И отец любит меня, любит!

Стало тихо.

— Я тебя тоже люблю, Мурат, — вздохнула Сайдама-

това, со страхом чувствуя, что не может найти точку опоры в разговоре, что сын ее не понимает.

— Ты?

— Я,— у нее пересохло в горле.— Ты сомневаешься в этом, сынок?

Он отвел глаза, помолчал.

— Не знаю, мама.

— Что ты не знаешь, Мурат? Сынок, посмотри на меня.

Мурат неохотно поднял на нее глаза.

— Что с тобой происходит?

— Я уже ответил.

— Мурат...

— Знаешь, мама, я часто, особенно последнее время, задаю себе вопрос: зачем мы тебе?

— Кто? — похолодела она.

— Я и Флора. Ведь ты из породы людей, которые живут только своей работой.

— Мурат!

— Не перебивай меня! — крикнул он.— Ты сама хотела этого разговора.

— Да, да — торопливо согласилась Сайдаматова.— Прости меня, ты прав. То есть я не то хотела сказать. Ты не прав, но все равно продолжай. Я погом. потом скажу.

— Скажешь,— согласился Мурат.— Конечно, скажешь, но сначала ответь мне: почему ты разошлась с отцом?

— Я говорила тебе, мы совершенно разные люди.

— Мужчипа и женщина не могут быть одинаковыми.

— Я не шучу, Мурат.

— Я тоже. Он мне рассказывал, что давал тебе все. Ты имела все, что положено женщине. Ведь это было так, ответь честно, мама?

— Не все, Мурат, в жизни мерится деньгами,— сказала устало Сайдаматова.

— Не все, но очень многое. Ты ушла от отца, сразу сделав нас если не сиротами — это, наверное, было бы слишком сильно сказано,— но все же отняв у нас что-то хорошее, это так. А почему? Почему ты тогда не подумала о нас, о своих детях, которых вы с отцом произвели на свет? Почему, ведь ты сама выбрала его в мужа, тебя никто не заставлял, так?

— Он тогда не был таким.

— Значит, он испортился потом, когда вы стали мужем и женой?

— Мурат, как ты со мной разговариваешь!

— А как бы ты хотела, чтобы я с тобой разговаривал?

— Ты... ты всегда делаешь так, как хочется тебе, не думая об окружающих. И обо мне тоже сейчас не думаешь.

— Мурат!

Сердце Сайдаматовой разрывалось от горя и боли, но слова, с помощью которых она сейчас могла бы оправдаться перед сыном, вдруг разом покинули ее. Их не стало, они вдруг показались ей никчемными, пустыми. Еще немного — и она не выдержит, заплачет.

— Я понимаю, тебя тревожат дорогие вещи, которые последнее время стали появляться у меня, так? — и не дождавшись ответа, Мурат продолжил: — Ну и что же? Что в этом плохого? Я его сын. Если хочешь, наследник. Я...

— Помогаю ему, выполняю разные поручения, — подсказала Сайдаматова.

— А если и так, что из того?

— Много, очень много, сынок. Понимаешь, мне страшно за тебя. У меня ведь никого, кроме вас — тебя и Флоры, никого нет. И я не переживу, если с вами что-то случится.

— Да что случится! Разве только отец живет так, сейчас все... Одна ты у нас святая, а мы люди, люди, понимаешь?

— Мурат, замолчи! — с ужасом воскликнула Сайдаматова.

— Пожалуйста, — он встал. — Я могу уйти?

— Какая-то стена пролегла между нами, Мурат, — вместо ответа сказала Сайдаматова. — Мы стали... становимся чужими... Почему?

— Не знаю, мама.

Он пошел к двери, каждую секунду ожидая, что она окликнет его, остановит. Но она молчала.

— Скажи, мама, — обернулся он на пороге. — Если вдруг... неожиданно бы что-то произошло и я был бы виноват... Ты попыталась бы сделать что-то? Выручить?

Она молчала.

— Вот и ответ на все твои вопросы, мама.

Он ушел, даже не попрощавшись, не пожелав ей спокойной ночи, что он обычно делал с механической точностью. Ушел, а она еще долго не могла уснуть. Беззвучно плакала, ощущая свое одиночество, бессилие и потерянность. Неужели так будет всегда на земле в отношениях между людьми, в мягущейся материнской душе?

Пулатов развил кипучую деятельность. Знакомые и друзья удивлялись, откуда у человека в таком возрасте столько энергии. Многие нужно было сделать директору универмага: привести в порядок дела в самом универмаге, очистить склады от лишнего товара, проверить старые накладные, отправить к родственникам особо ценные вещи, наличные деньги (сберегательной книжки он не имел никогда, предпочитая наличные и золото). Одновременно нужно было осторожно связаться с поставщиками «левого» товара, предупредить, что на время следует «уйти на дно», переждать. И эти переговоры он должен вести только сам, потому что Чарьев не появлялся — сбежал куда-то.

Но это Пулатова устраивало, хотя он понимал, что долго Чарьеву не продержаться, поймать его поймут, но время пока есть. Пока...

— Чертов дневник,— тихо говорил один из гостей Пулатова, украдкой бросая внимательные взгляды на хозяйина дома, погруженного в свои думы.— Не будь там записей о Варданяне...

— Тебя уже вызывали? — задал ему вопрос другой.

— Пока нет,— покачал тот головой.

— Вызовут,— уверенно сказал первый.— Ниточка одна, а Сайдаматова...

В комнату вошел один из помощников Пулатова, склонился к уху, что-то прошептал. Все замолчали, вопросительно посмотрели на хозяина дома.

— Где он?

— Во дворе ждет,— ответил подобострастно помощник.

— Пусть сюда идет,— сказал Пулатов.— Что он там стоит, зови в дом.— И пояснил гостям: — Усманжон пришел.

— Думаете, он сможет чем-то помочь?

— Заставим.

Пулатов глянул на своего двоюродного брата. Тот улыбнулся краем губ, кивнул, как бы подбадривая его.

Нет, конечно, так просто сдаваться он не собирается. Но для этого нужно заставить Валиева делать то, что нужно, и он, Пулатов, это сделает во что бы то ни стало...

Усманжон сидел перед ним, отводил глаза, будто боялся чего-то, — и не напрасно. Ему было чего бояться.

— Ты должен это сделать, понимаешь, должен! — жестко сказал Пулатов, глядя на Валиева.

— Но ведь Тимур...

— Это твой сын, но под вилы иду не только я, ты это понимаешь, Усманжон? — Пулатов пытался говорить как можно мягче.— Сяду я, сядет Варданян, о Чарыеве я и не говорю, он горит бензином...

— Рахмат-ака...

— Слушай, что я говорю. Неужели ты думаешь после того, что заварила твоя жена, остаться в стороне? Ты, мальчишка!

— Рахмат-ака! — красные пятна выступили на лице Усманжона. Он скрипнул зубами.— Не надо со мной так говорить, ведь я...

Он замолчал.

Пулатов усмехнулся, глядя ему в лицо.

— Ну, что ты? Что ты есть на сегодняшний день без меня? Или забыл, кто тебя на ноги поставил, человеком сделал!

— Человеком! — с болью воскликнул Усманжон.— Эх, Рахмат-ака, человеком вы меня сделали! Да будь проклято такое положение, когда нужно постоянно бояться чего-то, играть жизнью близких тебе людей. Это вы называете «на ноги поставил»?

— Вот ты как заговорил!

Пулатов несколько секунд пристально вглядывался в его глаза, и Валиев не выдержал, потупился.

— Звони! — властно приказал Пулатов и подвинул к Усманжону аппарат.— И не бойся, ничего с ним не случится, я тебе обещаю.

Валиев помедлил, потом снял трубку и начал набирать номер. Пулатов усмехнулся, наблюдая за дрожащими пальцами Усманжона.

Пронзительно, будто из другого города, зазвонил телефон. Сайдаматова сняла трубку.

— Алло!

В трубке молчали.

— Алло, я слушаю,— повторила она. Подождала секунду, бросила трубку на рычаг.— Черт знает что происходит!

В ту же секунду в кабинет вошел капитан с папкой в руках. По лицу Сайдаматовой он понял, что она чем-то расстроена, положил папку на стол.

— Случилось что-нибудь, Фатима Кадыровна?

Она посмотрела на него рассеянным взглядом, не слыша вопроса и в то же время стараясь понять его.

— Вы что-то сказали?

— Случилось что?

— Нет, нет,— Сайдаматова вздохнула, устало взглянула на капитана.— Ерунда какая-то,— не выдержала она вдруг.— Третий раз звонят, поднимаю трубку и—молчание.

— Может, автомат не срабатывает?

— Три раза?.. Ладно. Так что там у вас?

— Разрешите, Фатима Кадыровна? — вошел в кабинет ревизор и, глянув на капитана, добавил: — Извини, товарищ Холматов. Решил с тобой зайти, а то когда еще поговорю с Фатимой.

— Садитесь, пожалуйста, Иннокентий Семенович,— улыбнулась Сайдаматова, выходя из-за стола и усаживая ревизора на свободный стул.— Давно с вами не виделась, а вы все такой же. Почти молодой!

— А ты все такая же,— хитро улыбнулся ревизор.— Почти старая!

Они засмеялись, каждый вспоминая что-то свое.

— Что-нибудь нашли?

— А ты как думаешь? — прикрыл один глаз ревизор.— Сафронов хоть и старик, но нюх у него не хуже, чем у молодых.— Он протянул Сайдаматовой папку.— Смотри сама.

Пока Сайдаматова изучала бумаги по делу о хищениях на обувном комбинате, ревизор и Холматов выкурили не по одной сигарете, вскипятили и выпили два чайника чаю в полнейшей тишине.

— И ниточка-то куда, ниточка к самому Пулатову идет, через Чарыева и Варданяна, Фатима Кадыровна,— не выдержал ревизор, когда она перевернула последнюю страницу дела и подняла глаза.

— Как же вы докопались до всего этого? — спросил Холматов ревизора.

— Работа такая, капитан.

— Мы с Иннокентием Семеновичем и не такие дела распутывали,— погладила его по плечу Сайдаматова.

— Любил я с тобой работать,— лицо старого ревизора просветлело.— Чутье у тебя всегда было отменное, ни разу осечки не случилось.

— Ни разу? — лукаво спросила Сайдаматова.

— Ни разу,— убежденно ответил ревизор.

— Как же не случилось? — не унималась она.— Забыли или притворяетесь, а?

— Это с шелком, что ли?

Сайдаматова молча кивнула. Капитан, не скрывая своего удивления, смотрел то на Сайдаматову, то на старого ревизора.

— Так ведь это не ты, начальник твой напортил, а ты ни слова. На себя взяла.— Он помолчал.— Эх, не вовремя я тогда в больницу попал. Хорошо еще, выговором отделалась. Как фамилия его была, дай бог памяти?

— Ему два года до пенсии оставалось,— сказала Сайдаматова, вспоминая далекое время.

— Ошибки у всех бывают,— сказал капитан и осекся, поймав укоризненный взгляд Сайдаматовой.

— В вашей работе ошибаться нельзя,— вдруг сразу стал серьезным Сафронов.— Дорого это слишком обходится.

Потом они долго обсуждали все подробности хищений, которые вот уже третий год совершались на экспериментальном обувном комбинате. Сайдаматова и Холмагов задавали вопросы, Сафронов отвечал обстоятельно, но без лишних подробностей.

— Хороший старик,— заметил Холматов, когда за Сафроновым закрылась дверь.— Чудной только. Наверное, из старых интеллигентов?

— А что, как честный человек, так обязательно из старых интеллигентов? — усмехнулась Сайдаматова и, помрачнев, сообщила: — У этого «чудака» двое сыновей погибли. Жена не выдержала и тоже умерла через год после этого.

— У меня тоже брат матери, мой родной дядя, погиб на войне,— покраснел Холматов и отвел глаза.

— У Иннокентия Семеновича сыновья погибли уже после войны! Работали в уголовном розыске и погибли в один день.

— Простите, Фатима Кадыровна, я не думал...

Помолчав, Сайдаматова спросила:

— Когда же поймают Чарыева?

— Скоро,— быстро откликнулся капитан.— Есть один адрес, ребята там наши засели. Появится, никуда не денется.

Усманжон сидел в своей машине недалеко от входа в городской отдел внутренних дел. Часы показывали начало восьмого, и неизвестно было, сколько ему еще придется

проторчать здесь: Фатима могла задержаться до поздней ночи.

Он вздохнул, поглубже вдавился в сиденье.

Никуда не денешься. Нужно ждать, хоть до утра. Когда горит дом соседа, надо тушить огонь, чтобы не перекинулся на твой дом.

Подумал так и криво усмехнулся. вот как хорошая поговорка для нехороших дел пригодилась... Запутался, Усманжон, а?

Сайдаматова появилась совсем неожиданно, остановилась в нескольких шагах от его машины, выжидая, когда можно будет перейти на другую сторону.

«Как же я не увидел, когда она вышла?» — ругнул себя Валиев, включая зажигание. Машина мягко тронулась и подкатила к Сайдаматовой.

— Фатима!

Валиев открыл дверь, по-молодому энергично выскочил из машины.

— Здравствуй!

— Здравствуй,— ответила Сайдаматова.— Что ты здесь делаешь?

— Тебя жду,— ответил Усманжон и показал на машину.— Садись, подзезу.

— Не слишком ли часто ты стал меня подвозить? Что тебе нужно опять?

— Да перестань, Фатима! Что за глупости!

Валиев взял сетку из рук Сайдаматовой и решительно шагнул к машине. Сайдаматова подумала и села на заднее сиденье.

— Как дела?

— Я для этого тебе понадобилась?

— А почему бы и нет? — попробовал пошутить Валиев.— Почему я не могу интересоваться, как живет моя жена, пусть даже и бывшая.

— У тебя появились первые признаки ностальгии по прошлому? Стареть начал, Усманжон!

— Все мы стареем...— Он обернулся к Фатиме.— Зайдем перекусим, как когда-то в молодости?

Она не успела возразить. Машина остановилась возле современного кафе. Вотчина Валиева. Сайдаматова видела, как официантки на втором этаже прилипли к стеклам огромных окон: с кем это приехал Усманжон Валиевич?

— Я привыкла ужинать дома, — сказала Сайдаматова и поморщилась, чувствуя, что пойдет с Усманжоном вопреки логике и желанию. Будто какая-то неведомая сила

толкала ее, заставляла идти за ним. Она удивленно слушала себя, смотрела на Усманжона, открывая для себя, что годы совсем не сказались на нем, что он почти не изменился, не постарел, даже волосы остались такими же черными и густыми, как двадцать лет назад.

— Я прошу, Фатима! — он чуть коснулся ее руки. — Мне очень хочется поужинать с тобой.

У входа их встретил завзalom.

— Пожалуйста, Усманжон Валиевич! — он указал на накрытый столик справа от пустой эстрады...

— Выпьешь? — Усманжон начал открывать коньяк.

— Не пью, ты это знаешь.

— Знаю, — согласился Усманжон. — А вдруг мир изменился, что-то произошло, а я не заметил, — пошутил он.

— Не изменился.

— А я выпью с твоего разрешения.

Он налил себе коньяк, выпил, закусил лимоном.

— Сахар забыли, черти, — оглянулся он, сделал знак кому-то.

Через минуту принесли сахарную пыль. Потом принесли шашлык и самсу.

Сайдаматова положила себе салат, начала есть. Усманжон сделал то же самое, положил Фатиме ломтики холодного языка.

— Хорошее место, — говорил Валиев, тщательно пережевывая мясо. — Терек-мазар, центр был, все приезжие сюда приходили, отдыхали.

— На месте этого кафе чайная была, — сказала задумчиво Сайдаматова. — А там, через дорогу, наш детский дом.

— Значит, бегали из детского дома пить чай в этой забегаловке? — усмехнулся Валиев.

Сайдаматова не ответила. Он понял, что сказал не то, попробовал переменить тему.

— Ты помнишь Набиева? Он и решил на этом месте кафе построить. Тогда он был заведующим кустом. Построил, набил холодильники свежей бараниной, хороших поваров набрал сюда. Народ пошел: все хотят обедать там, где хорошо готовят. Нет же, нашелся кто-то, настучал на Набиева, дело открыли, статью — и не стало человека. А подумай, разве он для себя старался?

— Нет, для людей!

— Да, ты не меняешься, — Валиев с досадой отложил нож, подозвал официанта. — Замени! Неужели нельзя наточить? Люди не жалуются, привыкли — ты и рад.

Фатима усмехнулась.

— Сделаем, Усманжон Валиевич,— сказал почтительно официант, меняя ножи и вилки.

— Хорошая самса,— сказала Сайдаматова.— Опять личный заказ? А для кого ты стараешься, наследник Набиева?

— Свежая баранина. На всех не хватит.

— Ну, на тебя и твоих дружков хватит. А что тебе остальные!

Валиев хотел что-то сказать, но раздумал, налил себе коньяк, сделал глоток.

— Ты серьезно решила упрятать за решетку Пулатова?

— Серьезнее некуда,— ответила спокойно, будто давно ждала этого вопроса, Сайдаматова.— Таких, как он, ни одного дня нельзя оставлять на воле.

— А таких, как я?

— Тоже! — жестко ответила Сайдаматова, глядя ему в глаза.

Валиев задвигал желваками, но сдержался, натянуто улыбнулся.

— За что же меня?

— Сам знаешь. И мы узнаем рано или поздно,— пообещала уверенно Сайдаматова.

Помолчали.

— Ты не боишься? — спросил ее Валиев.

— Чего мне бояться?

— Попимаешь, такие люди, как Пулатов и его друзья, многое могут.

Сайдаматова не ответила, налила себе воды в фужер.

— Фатима,— в голосе Валиева появилось что-то такое, что заставило ее удивиться.— О себе не думаешь — о детях, о наших детях, подумай. Ты не знаешь этих людей, с ними шутить опасно.

— Я и не шучу. Ты что же, выступаешь от их имени, парламентаром тебя направили, а?

Несколько секунд он пристально смогрел на нее, потом выпил коньяк, налил еще, снова выпил.

— Не понимаешь ты той опасности, которая нависла над тобой! Ничего не понимаешь! — грохнул он кулаком по столу.

Сайдаматова открыла сумочку, положила на стол две пятерки, встала.

— Спасибо за ужин.

— Это что? — удивился Валиев.— К чему эта демонстрация?

— Это не демонстрация,— ответила она.— Моя доля за ужин. И не надо меня провожать. Ты же знаешь, я не выношу пьяных мужчин.

— Я пьян?

— И выпивших тоже.

Она быстро пошла к выходу. Нет, мир не изменился, как надеялся Усманжон. И, наверное, глупо было с ее стороны полагать, что на сей раз она услышит от него что-то человеческое.

Сайдаматова остановилась, подняла голову к небу. Свежий вечерний воздух подействовал на нее успокаивающе, она засмеялась своим мыслям: «Боже мой! И этот человек чувствует себя хозяином жизни!» Сайдаматова снова засмеялась, не замечая, что на нее удивленно смотрят прохожие. Он просто глуп! Несказанно глуп и не понимает этого!

Не заметила, как оказалась на мосту. Внизу еле слышно шумел сай — жалкое напоминание о далеком детстве, когда она проплывала на баллоне под этим мостом. Тогда сай был живой и бурный, не то что теперь. Они плыли по течению, заплывали далеко, на несколько километров, а потом долго, счастливые, в мокрых платьицах, добирались назад через весь город. Пока добирались, платья успевали обсохнуть, так что никто не догадывался об их путешествиях.

Хорошо, что вспомнилось то далекое, неповторимое время беззаботного детства... И понятие справедливости не стоит усложнять — оно одно на всю жизнь.

Сайдаматова и не заметила, как оказалась дома. Пришла в себя, только когда включила свет в коридоре. Удивилась тишине.

— Мурат!

Надрывно зазвенел телефон.

— Мурат, ты дома?

Она заглянула в его комнату: сына не было, только смятая постель на тахте. Впрочем, мало ли куда он мог пойти, взрослый парень уже. Автоматически отметила время — начало одиннадцатого. Нет, для гуляния слишком поздно. Может, это он и звонит? От друзей. Наверное, будет просить разрешения задержаться еще. Нет, хватит. Она ему сейчас задаст...

Решительно сняла трубку.

— Алло, Мурат, это ты? Алло!

— Фатима Кадыровна?

— Я слушаю. Кто это?

— Неважно,— ответил ей голос на другом конце провода.— Главное, я знаю вас и вы меня слышите.

— Что вам нужно?

— Только одного: оставьте в покое Пулатова.

— Я не хочу об этом говорить.

— Только не бросайте трубку,— быстро сказал голос.— Все равно я буду звонить, пока вы не выслушаете меня до конца. Тем более, вы ведь хотите узнать, где находится ваш сын.

— Что? — Сайдаматова похолодела.— Мураг? Где Мурат?!

— Да, да! Я говорю о Мурате. Вы, наверное, удивились тому, что его нет дома, когда пришли. Время-то позднее, одиннадцатый час.

— Вы... вы,— она рванула платье у горла.— Где Мурат, что с ним?!

— Ничего страшного,— успокоил ее голос.— Он сейчас у хороших людей, можете успокоиться и дослушать меня. Если хотите, можете даже выпить воды, я понимаю: вы мать.

— Говорите, я слушаю.

— Я понимаю, мы не можем требовать от вас слишком многого, но что-то вы все же можете... Вы заварили кашу, теперь надо ее съесть, но так, чтобы все были сыты, а повара целы.

— Это вы звонили мне днем и молчали.

— Мы! — хихикнули в трубке.— Психологическая обработка.

— Вы хотите...

— Вот именно, мы хотим, чтобы вы не трогали Пулатова. Взяли Варданяна, через день-два у вас в руках будет Чарыев, еще два-три человека, неужели вам мало? Зло наказано, преступники на скамье подсудимых, им срок, вам очередная звездочка — и все довольны. Согласны?

— Где Мурат?

— Вы его получите целым и невредимым только после того, как передадите дело в суд, но с полной реабилитацией Пулатова. Как это сделать, вы знаете лучше нас. Вам понятно?

— Где Мурат?

— Если вы этого не сделаете... Все! Подумайте, мы вас еще побеспокоим. Надеемся договориться мирно. До свидания.

Послышались короткие гудки.

— Аллс! Алло!

Сайдаматова швырнула трубку, заметалась по дому, кинулась к двери, остановилась.

Что, что делать?

Она должна что-то сделать, пойти куда-то, но куда? А вдруг они следят за ее домом? Конечно же, следят, наблюдают за ее действиями. Но ведь там ее сын, и она должна, должна что-то делать.

Она схватила трубку, начала торопливо набирать номер, потом устало опустилась на стул.

Кому она собирается звонить? Оперативному дежурному? А что она ему скажет? Украли сына. Кто? Не знаю. А кого подозреваете? Не знаю. Нет, знаю. Пулатова. Это ему нужно ее шантажировать.

Они возьмут его, но он, конечно, откажется. Откуда он знает, кто и зачем звонит следователю? Он от всего откажется. Нет, так делать нельзя.

А что же тогда делать? Ждать? Сделать то, что они просят?..

Она почти бросилась под машину, которая, визжа тормозами, остановилась в нескольких сантиметрах от нее.

— Ты что, с ума сошла? — заорал водитель, вылезая из кабины. — Жить надоело?

— Мне надо срочно! — задыхаясь, почти простонала Сайдаматова, не слушая его и забираясь в кабину поливальной машины.

Водитель вдруг осекся, сел за руль.

— Куда ехать?

Сайдаматова назвала адрес.

— Пожалуйста, если можно, быстрее. Я отвечу, — голос ее дрожал.

— Все понял, Фатима Кадыровна, — сказал водитель.

Сайдаматова словно очнулась, посмотрела на водителя, не в силах сообразить, откуда он ее знает, но спросить — на это у нее не было ни сил, ни желания. И водитель тоже понял ее, молча погнав машину вперед.

— Вы меня подождете?

— Что за вопрос, Фатима Кадыровна, конечно, подожду, если надо! — ответил водитель.

И снова она взглянула на его открытое молодое лицо, и снова не узнала.

На звонок долго никто не откликнулся. Она начала стучать руками и ногами в калитку, не думая о том, что может разбудить соседей. Сейчас она ни о чем не думала,

только о Мурате, о том, что он где-то там, среди враждебных ему людей, и они могут с ним сделать что-то страшное. И никто не придет к нему на помощь. Никто!

И она колотила в железные ворота, не ощущая боли, в кровь разбивая пальцы.

— Кто там? — раздался наконец заспанный голос Усманжона.

— Открой,— хрипло сказала Сайдаматова, не узнавая своего голоса.

Звякнула задвижка.

— Ты? — удивился Усманжон.— Что случилось, Фатима? — Он стоял перед ней в трусах и майке, ежась от холода, стыдясь своего вида.— Войдешь в дом?

— Где Мурат?

— Не понимаю, что ты говоришь, Фатима? — глаза его округлились.

— Где твой сын?!

— Н-не знаю! — он отступил от нее испуганно.— Что ты, Фатима! Что ты такое говоришь?

— Не знаешь? Посмотри мне в глаза! В глаза! — задыхаясь, крикнула она.

— Моя помощь не нужна, Фатима Кадыровна?

Тень водителя закрыла лицо Валиева.

— Запомни,— с ненавистью цедила слова Сайдаматова.— Если они что-нибудь сделают с сыном, если ты не найдешь его...

— Фатима, я ничего не понимаю! — воскликнул Валиев, разводя руками.

— ...я пристрелю тебя как собаку! Пристрелю, ты знаешь меня. Запомни!

Она резко повернулась и быстро пошла к машине. За ней тяжело топал водитель.

32

Попался как последний пацан! Дурак!

Мурат метался по комнате без окон, слабо освещенной под самым потолком лампочкой, ругал себя последними словами. Но разве он мог подумать — ведь звонил отец.

Отец! Неужели он сам, своими руками отдал его этим кретинам? Нет, этого не может быть, ведь он отец, родной отец!

Надо что-то придумать, нельзя сидеть и ждать!

Он представил себе лицо матери, что она там думает. Они, конечно же, позвонили ей. Мама, мама!..

Он подскочил к двери, начал бить по ней кулаками.

— Эй, откройте! Откройте, мне надо!

Дверь распахнулась.

— Чего тебе?

Перед Муратом стоял коренастый, с мощными плечами молотобойца или штангиста мужчина лет тридцати.

Мурат секунду смотрел в его холодные глаза. Такого он не свалит, такой его придушит одной рукой.

— Выпустите меня, что я вам сделал?

— Сиди, сопля! — усмехнулся мужчина. — Надо будет, выпустим, а будешь шуметь, уши поломаю. — Он поднес к лицу Мурата огромный волосатый кулак. — Понял?

И, засмеявшись, захлопнул дверь.

Мурат приник ухом к двери.

— Успокоился?

— А что ему остается! — засмеялся тот, что открывал дверь.

— И долго мы тут будем сидеть, Леха?

— Сколько надо, столько и будем. Не мельтеши, а то...

— Чего ты сразу заводишься, Леш! — завопил второй. — Я же ничего такого не сказал, просто спросил...

— Жрешь, пьешь, — перебил его Леха, — и делай, что говорят. Не люблю болтовни. Давай лучше выпьем. Осталось у тебя там что-нибудь?

Мурат слышал, как звякнули стаканы, в щели потянуло дымом крепких сигарет. Он опустил на пол у двери и уткнул голову в колени. Что же теперь будет, что будет?..

— Не переживайте так, Фатимахон, — говорил полковник, подавая ей пиалу с холодным чаем. — Найдем вашего сына. — И добавил твердо: — Из-под земли найдем.

— Привезли Чарыева, — влетел в кабинет Холматов и обратился к Сайдаматовой: — Уж он-то наверняка знает, где Мурат.

— Давай его сюда! — приказал полковник.

Холматов вышел и вскоре вернулся, ведя перед собой Чарыева. Его было не узнать: весь лоск с него сошел, мятая рубашка с грязным воротником выглядывала из-под куртки. Тонкие пальцы длинных рук дрожали. Чарыев словно не знал, куда их деть, все прятал за спину.

Полковник подошел, взял его за подбородок, посмотрел в глаза. Чарыев сжался.

— Где Мурат?

— Я ничего не знаю, не знаю. Что вы от меня хотите?..— залепетал Чарьев.

— Знаешь! — оборвал полковник.— И все расскажешь. А не расскажешь...

Полковник скрипнул зубами, сдерживаясь, отошел к окну.

— Садитесь,— Сайдаматова указала Чарьеву на стул.

Чарьев сел, оглянулся на Холматова, опустил глаза в пол.

— Сами во всем признаетесь или нужно помочь вам?— Сайдаматова положила перед ним чистые бланки протокола допроса.

— Я ничего не знаю.

— Хватит ломать комедию! — не выдержал Холматов. И, глянув на полковника, смягчил тон.— За что Корочкину ножом ударил?

— Я? — дернулся Чарьев, но тут же сник.— Я не хотел. Она сама... я хотел только поугагать.

— Вот именно — поугагать, чтобы она молчала,— сказала Сайдаматова. Сейчас она была занята делом, и это отодвинуло на время все остальное.— Чего вы боялись? Что вы не хотели, чтобы она говорила?

— Вы не имеете права!— взвизгнул Чарьев.— У нас личные дела, а вы в чем-то еще меня обвиняете. Не имеете права!

— Имеем.— сказал полковник,— с такими, как ты... Где Мурат? Куда его увезли?

— Честное слово, товарищ полковник...

— Гражданин полковник!

— Гражданин полковник,— послушно повторил Чарьев.— Я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете!

— Хорошо,— вдруг успокоился полковник, сел рядом с Сайдаматовой.— Начнем с самого начала...

Сайдаматова достала из дела дневник, показала Чарьеву.

— Ваш?

Чарьев мотнул головой, не зная, что ответить, и не в силах отрицать факта.

— Ваш или нет? — подстегнула его Сайдаматова.

— Мой,— выдавил Чарьев, не отрывая глаз от пола.

— Тогда начнем расшифровывать ваши записи,— сказала Сайдаматова, открывая дневник и отыскивая нужную страницу...

Из соседней комнаты сквозь двери доносился режущий уши храп.

Судя по тому, сколько он уже здесь, время далеко за полночь.

Мурат стиснул зубы. Мать, наверное, уже подняла на ноги всех. Но что она может сделать, не зная, где он? И при чем здесь мать? Он сам это заварил, сам должен и расхлебывать. Нельзя так сидеть. Надо что-то сделать. Надо!

Еще сам не понимая, что он собирается предпринять, Мурат вскочил и начал барабанить в дверь.

— Эй, кто там есть? Откройте!

— Вот тваренок, не спит! — ругнулся кто-то и тяжело зашлепал босыми ногами.

Дверь открылась, яркий свет ослепил глаза. Несколько секунд он ничего не видел. Резкий окрик вернул его к действительности:

— Врежь ему промеж ушей, чтобы спать не мешал!

— Врезал бы,— буркнул тот, что открыл дверь, почесав пятерней волосатую грудь,— если бы не валиевский был.

Мурат исподлобья молча смотрел на него.

— Ну, чего вылупился?

— На улицу мне надо, вот чего,— огрызнулся Мурат.

— Давай в угол,— засмеялся первый, поднимая с подушки взлохмаченную голову.

— А потом ты будешь убирать? — огрызнулся второй.

— Сам уберет.

Мурат схватился за живот, скривил лицо.

— Крутит, не могу больше терпеть.

Детина посторонился.

— Ладно, шлепай.

Мурат шагнул из темной комнаты, подождал, пока тот нацепит старые шлепанцы, пошел вперед.

— Смотри, чтоб не рванул,— сказал первый, снова укладываясь.

— От меня не рванет. Сверну шею, как цыпленку, понял?

— Понял,— кивнул Мурат. Сердце у него заколотилось.

Они вышли во дворик, опоясанный высокой, из жженого кирпича стеной.

— Туда,— показал верзила на деревянный туалет. в углу в просвете между яблоневыми деревьями.

Мурат пошел вперед, ощущая нервную дрожь в ногах. Глаза его быстро скользили по гладкой поверхности забора. Слишком высоко. Так просто не перепрыгнешь, лестницу бы. «Хоть бы какой-нибудь выступ!» — с тоской пронеслось в голове.

Слабый ветерок шелестел листьями яблонь, раскачивал электрическую лампочку над деревянной супой у забора.

Мгновенно созрел план. В темноте еще можно что-то сделать!

Мурат быстро оглянулся. Верзила, ничего не подозревая, зевал, глядя ему в спину.

Под ноги попался обломок кирпича. Дальше все произошло в считанные секунды. Мурат схватил кирпич и тут же метнул его в лампочку, в следующее мгновение он был уже у забора.

Первый раз он не допрыгнул до верха, руки больно проехали по твердой поверхности.

— Стой! — заревел в темноте пришедший в себя верзила. — Убью!

Угрожающий, нечеловеческий рык будто подбросил Мурата, в следующее мгновение он был на заборе, легко перебросил тело на другую сторону и скатился вниз. Глаза ничего не видели в темноте, он бежал наугад, куда-то вперед, только бы вперед, только бы успеть..

Сайдаматова подняла напряженно-пытливый взгляд на только что вошедшего в кабинет Холматова.

— Пока ничего, — мотнул тот головой и посмотрел на Пулатова, смиренно сидевшего на стуле.

— Молчите, молчите, — сказал капитан. — Подумать времени у вас хватит.

Дверь распахнулась.

— Мама!

Сайдаматова вздрогнула, глаза ее расширились. Она не смогла встать навстречу, так и осталась, будто пригвожденная к стулу.

— Мурат, — только и смогла сказать она.

Но сын уже был рядом.

— Мама, все нормально, — торопливо говорил он, боясь, что не выдержит и заплачет. — Все хорошо, мама. Ты только успокойся. Я здесь, с тобой.

Холматов сделал знак Пулатову и вывел его из кабинета. Через минуту появился полковник. Он не мог скрыть

своей радости, тормозил Мурата, словно стараясь удостовериться, что это он, собственной персоной.

— Где же это тебя носило, малыш? А мы тут с матерью весь город на ноги поставили,— говорил он. Обращаясь к Сайдаматовой, даже не заметил, что перешел на ты: — Видишь, Фатима, орел у тебя сын! Орел! Такого не так просто украсть!

Глаза Сайдаматовой сияли. Она не замечала слез, которые текли по ее осунувшемуся лицу. Наконец заметила порванную штанину сына, встала, начала отирать грязь с его щеки.

— А, ерунда,— улыбнулся Мурат.

— Где же ты так вывозился, сынок?

— Дежурную машину,— приказал полковник.

— Уже ждет,— ответил Холматов.— Я провожу?

— Давай,— полковник повел Сайдаматову и Мурата к выходу.— Отдыхай, Фатимахон, мы тут пока без тебя справимся. Главное ты сделала.

Сайдаматова кивнула, не вникая в смысл сказанного полковником, но вдруг остановилась на пороге.

— Алимова нужно освободить, товарищ полковник.

— Освободим, освободим,— засмеялся тот.— Сейчас свяжемся с прокуратурой. Как положено. Вот женщина!— глянул он на офицеров, которые столпились в коридоре.— Сына только нашла, а уже о деле.

— Он не виноват,— сказала, как бы извиняясь, Сайдаматова.— Вы же знаете, это Чарыев тогда ударил ножом Газиева.

— Знаю, знаю, можешь отдыхать спокойно,— кивнул полковник.— Иди, машина отвезет вас...

34

Мурат проводил мать до остановки.

Показался автобус. Сайдаматова повернулась к сыну, на лице ее отразилась внутренняя борьба.

— Мурат...

Он улыбнулся, понимая ее состояние. Минувшая ночь что-то перевернула в их отношениях. И мать и сын радовались этому сближению.

— Все хорошо, мама. Я буду очень осторожен,— он будто подтрунивал над собой и над матерью.

— Я хотела напомнить...— поспешно начала оправдываться Сайдаматова.— Тебе надо позвонить в Ташкент, узнать, как сестра, а потом...

— А потом пойти на базар, купить картошки, лука и все такое,— подсказал Мурат.

— Да.

— Я так и понял.

И оба засмеялись.

— Только сначала у меня есть одно дело,— сказал Мурат, став сразу серьезным. И на вопросительный взгляд матери пояснил: — Очень нужно, мама. Я потом тебе все расскажу, это мне нужно выяснить сначала для себя.

На звонок Мурата никто не ответил

— Усманжона дома нет, сынок.

Мурат увидел старушку, которая жила до соседству.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Муратжон. Давно тебя не видела,— она пылливо смотрела ему в глаза.— Как мама, как сестра?

— Хорошо,— кивнул Мурат.— А вы не знаете, скоро он будет?

— Не знаю,— сказала старушка.— За ним из милиции приезжали вчера.

— Из милиции?

— Несколько раз приезжали. Потом я не видела, может, нашли его,— говорила она.— А ты не знаешь, что случилось?

— Что вы сказали?.. Ах, нет... не знаю.

Он быстро попрощался.

— Ты сходи в милицию, сынок,— сказала ему вдогонку старушка.— Там, наверное, знают, в чем дело.

...Сайдаматова удивленно глянула на сына, когда он решительно вошел в кабинет, подошел к ней.

— Что случилось, Мурат?

— Отца арестовали, мама?

Она молча закрыла папку, встала, подошла к сыну.

— Мама, ты мне не ответила,— не выдержал Мурат.

— Пока нет.

— Значит, его арестуют?

— Может быть, если подтвердится его связь с теми, кто уже взят под стражу.

— Ты знала об этом утром?

— Мурат...

— Почему ты мне не сказала сразу, утром, когда я провожал тебя? — не слушал ее Мурат.

— Я не могла, — лицо ее исказила боль.

— Ты мне до сих пор не веришь, мама!..

— Я верю тебе, сынок, но...

— Он здесь? — перебил Мурат.

— Да.

— Я могу его увидеть?

— Не сейчас.

— Почему?

— Он на допросе, — Сайдаматова вернулась на свое место. — Потом, после допроса, я попрошу, чтобы ты смог с ним поговорить, если хочешь.

— Я могу присутствовать на допросе?

— Нет.

— Почему? — удивился Мурат.

— Потому что нельзя, — сказала она мягко. — Есть порядок ведения следствия, Мурат, и нарушать его не дозволено никому.

— Даже тебе?

— И мне тоже, — ответила Сайдаматова, ощущая пустоту в душе.

— А потом, после допроса, я смогу поговорить с ним?

— Сможешь.

Сайдаматова опустила глаза и открыла папку с каким-то делом. Мурат несколько секунд смотрел на мать, хотел что-то сказать, но раздумал, медленно повернулся к двери. На пороге он обернулся, встретился с напряженным взглядом матери.

— Я подожду в коридоре.

Сайдаматова кивнула.

— Входи.

Холматов пропустил Мурата, посмотрел на Валиева, который сидел, опустив голову и боясь взглянуть на сына.

— Вы поговорите, я в коридоре побуду, — сказал капитан и вышел, оставив дверь полуоткрытой.

— Папа... Папа, ты знал? — Мурат смотрел отцу в глаза.

— О чем ты, сынок? — В зрачках Валиева заметался страх.

— Ты знал, папа, — выдохнул Мурат с тоской в голосе.

— Мурат, послушай меня, — заторопился Валиев. — Я тебе все объясню. Я тебе объясню, ты поймешь меня...

Он замолчал, не зная, что же хочет объяснить. Нужно было говорить, оправдываться, а слов для этого, нужных слов, он не мог найти.

— Объясни,— сказал Мурат и добавил с горькой иронией: — Не можешь объяснить. Не можешь, потому что предал меня, своего сына. Нет, ты... ты хуже предателя! Я ненавижу тебя! Ненавижу!

Он выскочил из кабинета и, не глядя на Холматова, быстро пошел к выходу. Потом замер на полдороге, словно наткнулся на невидимую преграду, сделал шаг, второй, точно преодолевая ее с большим напряжением.

— Вот и все,— сказал он вслух и вышел в светлый проем дверей. Вот и все, думал он, шагая в неизвестном направлении и не отдавая отчета, что же имеет в виду под этим «все»: отношения с отцом, предавшим его, тем миром, в котором жил Валиев,— теперь он только так мог называть отца — или этап своей жизни, который остался позади. То, что он вдруг стал другим, повзрослел за эти несколько дней, что не сможет жить так, как прежде,— это было ясно. Но что дальше, как жить — на эти вопросы надо еще найти ответ...

...Мурат шел и не замечал, что на другой стороне улицы стоит еще кто-то и напряженно вглядывается во всех выходящих из дверей горотдела милиции, стараясь отыскать того, кто ему нужен.

Если бы Мурат вдруг поднял глаза, то хоть и с большим трудом, но узнал бы в похудевшем, остриженном наголо парне Алимова.

Несколько часов назад его выпустили из следственного изолятора. Несколько сот минут назад за его спиной последний раз с тоскливым лязгом закрылась железная дверь, и он замер, оказавшись за воротами один, без конвоиров, ослепленный ярким светом вольного солнца, оглушенный необъяснимым, неповторимым по своему аромату воздухом свободы, привыкая к новому ощущению, к забытому шуму проносящихся машин и не замечая любопытных взглядов прохожих.

И он тоже пошел сам не зная куда, а потом оказалось, что шел он к Сайдаматовой, шел, чтобы увидеть ее. Только увидеть, и все.

И вот он стоял напротив большого здания на противоположной стороне улицы, не ощущая одеревеневших ног, пересохших губ. Стоял и ждал.

